

Клайв Стейплз Льюис

Письма баламута

ВСТУПЛЕНИЕ

Я не собираюсь объяснять, как в мои руки попала та переписка, которую я теперь предлагаю вниманию общества.

Есть два равносильных и противоположных заблуждения относительно бесов. Одни не верят в них, другие верят и питают к ним ненужный и нездоровый интерес. Сами бесы рады обоим ошибкам и с одинаковым восторгом приветствуют и материалиста, и любителя черной магии.

Советую моим читателям помнить, что дьявол — отец лжи и не все, что говорит Баламут, следует считать правдой, даже с его собственной точки зрения.

Я не устанавливал личности тех, кто упомянут в письмах. Однако не думаю, что, например, отец Игл или мать подопечного описаны достоверно. В аду, как и на земле, умеют подкрашивать мысли в угоду своим намерениям.

В заключение должен добавить, что я не пытался уточнить хронологию писем. Мне кажется, что чаще всего дьявольский принцип датировки никак не связан с земным временем, и потому я не стал его воспроизводить. История второй мировой войны могла интересовать Баламута только в той степени, в какой она повлияла на духовное состояние интересующего его человека.

К. С. Льюис Модлин Колледж, 1941

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Я вижу, ты следишь за чтением своего подопечного и за тем, чтобы он вращался в кругу своих друзей-материалистов. Но мне кажется, ты немного наивен, полагая, что аргументы смогут вырвать его из объятий Врага. Это было бы возможно, живи он несколькими веками раньше. Тогда люди еще прекрасно умели отличать доказанное от недоказанного, и уж если что-то доказано, они и верили в это. Тогда еще не теряли связи между мыслью и делом и как-то могли изменить свою жизнь сообразно умозаключению. Это мы исправили при помощи еженедельной прессы и других средств. Твой подопечный с младенчества привык к тому, что в его голове кружится одновременно добрая дюжина несовместимых воззрений. Концепции он воспринимает прежде всего не как истинные или ложные, а как теоретические или практические, устаревшие или современные, банальные или смелые. Самоуверенная тарабарщина, а не аргументы, поможет тебе удержать пациента вдали от церкви. Не трать времени на то, чтобы убедить его в истинности материализма: лучше внуши ему, что материализм силен или смел, что это философия будущего.

Доводы неприятны тем, что бой приходится вести на территории Врага. Он ведь тоже умеет убеждать: однако в той пропаганде, какую я предлагаю тебе, Он, как показывает наш многовековой опыт, не идет ни в какое сравнение с нашим отцом. Доказывая, ты пробуждаешь разум подопечного, а если разум проснется, кто предугадает результат? Даже если при каком-то повороте мысли случится так, что в выгоде будем мы, ты затем обнаружишь, что отвлек внимание от потока непосредственных переживаний, плавающих на поверхности, и самым пагубным образом направил его в глубину. Твоя же задача как раз в том, чтобы приковать внимание подопечного к постоянно меняющимся чувственным впечатлениям. Учи его называть этот поток «настоящей жизнью» и не позволяй задумываться над тем, что он имеет в виду. Помни: в отличие от тебя, твой подопечный — не бесплотный дух. Ты никогда не был

человеком (в этом — отвратительное преимущество нашего Врага) и потому не можешь представить себе, как они порабощены обыденным. У меня был подопечный, крепкий атеист, который занимался иногда в Британском музее. Однажды, когда он читал, я заметил, что его мысли развиваются в опасном направлении. Враг наш, конечно, тут же оказался рядом. Не успел я оглянуться, как моя двадцатилетняя работа начала рушиться. Если бы я потерял голову и прибегнул к доводам, все пошло бы насмарку. Но я не настолько глуп. Я тотчас сыграл на той струнке моего подопечного, которая больше всего была под моим контролем, и намекнул, что сейчас самое время пообедать. Враг, по-видимому, сделал контрвыпад (никогда невозможно точно подслушать, что Он говорит), то есть дал понять, что эти размышления важнее обеда. Наверное, так оно и было, потому что, когда я сказал: «Да, это слишком важно, чтобы заниматься этим на голодный желудок», подопечный заметно повеселел. А когда я добавил: «Лучше вернуться сюда после обеда и тогда подумать как следует», он уже был на полпути к двери. Когда он вышел на улицу, победа была за мной. Я показал ему разносчика газет, выкрикивающего дневные новости, и автобус No 73; и, прежде чем он коснулся подножки автобуса, он уже непоколебимо верил, что, какие бы странные вещи и мысли ни приходили в голову, когда уединишься с книгами, здоровая доза «настоящей жизни» (под которой я в нем подразумевал автобус и разносчика) сразу покажет, что таких вещей «просто нет».

Он знал, что избежал опасности, и позднее любил говорить о «том неизъяснимом чувстве реальности, которое надежно защитит от крайностей чистой логики». В настоящее время он благополучно пребывает в доме отца нашего.

Улавливаешь, в чем тут дело? Благодаря процессам, которые мы пустили в ход несколько веков тому назад, людям почти невозможно верить в незнакомое и непривычное — у них перед глазами всегда есть знакомое и привычное. Набивай до отказа своего подопечного обычностью вещей. Но не вздумай использовать науку (я имею в виду науку настоящую) как средство против христианства. Наука вынудит его задуматься над реальностями, которых он не может ни коснуться, ни увидеть. Среди современных физиков есть печальные тому примеры. А если уж ему непременно нужно барахтаться в науке, пусть займется экономикой или социологией. Не давай ему убежать от этой бесценной «действительной жизни». Пусть лучше совсем не видит научной литературы. Внуши ему, что все это он уже знает, а то, что ему удастся подхватить из случайных разговоров и случайного чтения, «достижения современной науки». Помни, ты там для того, чтобы его обманывать. Судя по высказываниям некоторых из вас, молодых бесов, можно подумать, что вы поставлены учить их!

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Весьма досадно было узнать, что твой подопечный обратился. Не тежь себя надеждой, что избежишь положенного наказания (хотя я уверен, что в минуты успеха ты не тешишь себя надеждами). Надо спасать положение. Не нужно отчаиваться — сотни людей, обратившихся взрослыми, побыли в стане Врага, исправились, и теперь они с нами. Все привычки подопечного, и душевные, и телесные, льют воду на нашу мельницу.

Один из великих наших союзников в нынешнее время — сама церковь. Пойми меня правильно. Я говорю не о той самой Церкви, которую мы видим объемлющей пространство и время, укорененной в вечности, грозной, как полки со знаменами. Это зрелище, признаюсь, способно утратить самых смелых искусителей. Но, к счастью, та Церковь невидима для людей. Твой подопечный видит лишь недостроенное здание в псевдогоготическом стиле на неприбранном строительном участке. Войдя же внутрь, он увидит местного бакалейщика с елейным выражением лица, а тот предложит ему лоснящуюся маленькую книжку, где записано содержание службы, которое никто толком не понимает, и еще книжечку в потертом переплете, содержащую искаженные тексты разных религиозных песнопений, в большинстве своем плохих и напечатанных к тому же мелким шрифтом. Когда он сядет на свое место и оглядится, он увидит как раз тех соседей, которых он избегал.

Тебе следует в полной мере их использовать. Пусть его мысли перескакивают со слов «Тело Мое» к лицам и обратно. При этом, конечно, никакого значения не имеет, что за люди сидят на скамейках. Ты, может быть, знаешь, что кто-то из них — великий воин в стане Врага. Неважно. Твой подопечный, слава нашему отцу, от природы глуп. Если только кто-то из них плохо поет, носит скрипучие сапоги, нелепо одет или отрастил двойной подбородок, твой подопечный легко поверит, что в религии этих смешных и нелепых людей должно быть что-то смешное и нелепое. Как ты знаешь, сейчас в голове подопечного обитает представление о «христианстве», которое он называет «духовным», но это сильно сказано. Его голова забита хитонами, сандалиями, доспехами, босыми ногами. Тот простой факт, что люди, окружающие его в церкви, одеты по-современному, стал для него (разумеется, бессознательно) настоящим камнем преткновения. Не давай этому камню выйти на поверхность и не позволяй подопечному спрашивать себя, какими же он желал бы видеть прихожан. Следи за тем, чтобы все его представления были посмутнее: потом в твоём распоряжении будет целая вечность, и ты сможешь развлекаться, наводя в нём ту особую ясность, которой отличается ад.

Максимально используй разочарование и упадок, которые неминуемо достигнут его в первые же недели по обращении. Враг попускает это разочарование на пороге каждого человеческого дела. Оно появляется, когда мальчик, зачарованный историей Одиссея, начинает учить греческий. Оно же появляется, когда влюбленные поженились и учатся жить вместе. Во всяком человеческом деле есть переход от мечтаний к действительности. Враг идет на риск, связанный с этим разочарованием, так как лелеет надежду, что эти отвратительные маленькие создания станут его свободными приверженцами и служителями. Он вечно называет их «сыны», с упорным пристрастием унижая весь духовный мир неестественной любовью к двуногим. Не желая лишать их свободы. Он отказывается силой вести их к целям, которые поставил перед ними. Он хочет, чтобы они «шли сами». Здесь-то и кроются наши возможности. Но помни, что здесь же скрыта и опасность для нас. Уж если они пройдут благополучно через период сухости, они будут меньше зависеть от своих эмоций и искушать их станет труднее.

До сих пор я писал тебе так, словно люди, сидящие на соседних скамьях, не дают никаких разумных поводов к разочарованию. Когда же твой подопечный знает, что дама в нелепой шляпке — страстная картежница, а человек в скрипучих сапогах — скряга и вымогатель, твоя задача много легче. Ты просто мешай ему думать: «Если я, такой, какой я есть, могу считать себя христианином, почему недостатки моих соседей по скамье доказывают, что их религия — просто лицемерие и привычка?» Ты спросишь, возможно ли, чтобы столь очевидная мысль миновала его? Возможно, дорогой Гнусик, вполне возможно! Обращайся с ним поразумнее, и это просто не придет ему в голову. У него еще нет прочной связи с Врагом, а потому нет истинного смирения. Сколько бы он ни говорил о своей греховности, даже на коленях, все это — лепет попугая. В глубине души он еще верит, что оказал большую честь нашему Врагу, когда обратился, и думает, что выказывает большое смирение, ходя в церковь вместе с ограниченными, скучными людьми. Удерживай его в таком состоянии как можно дольше.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Мой дорогой Гнусик!

Я очень рад тому, что ты рассказал мне об отношениях подшефного с матерью. Непременно воспользуйся возможностями, которые здесь открываются.

Враг намерен продвигаться от центра души к ее окраинам, все больше и больше подчиняя поведение нашего подопечного новому идеалу. В любую минуту Он может добраться и до отношений с матерью. Ты должен опередить Его. Не теряй связи с нашим коллегой Лизоблюдом, который опекает эту даму. Создай в его семье атмосферу постоянной раздражительности и ежедневных колкостей. При этом полезны следующие методы:

1) Удерживай внимание подопечного на его внутренней жизни. Он думает, что обращение развивается «внутри него», и потому смотрит внутрь, на «состояние своей души», или, точнее, на ту версию этих состояний, которую ты ему подсунешь. Поощряй его всячески в этом

«самоанализе» и отвращай его взор от простейших обязанностей, направляя к целям высоким и духовным. Обыграй полезнейшую черту человека — пренебрежение к будничному и страх перед ним. Доведи подопечного до того, чтобы он часами копался в себе, но при этом не обнаружил черт, которые совершенно ясно видны каждому, живущему или работающему с ним. 2) Без сомнения, ты никак не запретишь ему молиться за свою мать, но постарайся обезвредить его молитвы. Последи за тем, чтобы он всегда их видел «высокими и духовными», чтобы он связывал их с состоянием ее души, а не с ее ревматизмом. Тут два преимущества. Первое: его внимание будет приковано к тому, что он почитает за ее грехи, а под ними он, при небольшой твоей помощи, будет подразумевать те ее особенности, которые ему неудобны и его раздражают. Таким образом, даже когда он молится, ты сможешь растравлять раны от обид, нанесенных ему за день. Это операция нетрудная, а тебя она развлечет. Второе: его представления об ее душе очень неточны, а часто и просто ошибочны, и потому он в какой-то степени будет молиться за воображаемую личность; твоя же задача в том, чтобы день ото дня эта личность все меньше и меньше походила на его настоящую мать — острую на язык даму, с которой он встречается за обедом. Со временем ты должен довести его до того, чтобы ни одна мысль и ни одно чувство из его молитв не излилось на его действительные отношения с матерью. У меня были пациенты, которых я так хорошо держал в руках, что им ничего не стоило в один миг перейти от пылкой молитвы за душу жены или сына к побоям и оскорблениям. 3) Когда два человека много лет живут вместе, обычно бывает так, что у одного из них есть интонация или выражение лица, которых другой просто вынести не может. Используй и это. Пусть в сознании твоего подопечного полнее всплывет та особая манера хмурить брови, которую он приучился не любить с детства, и пусть он заметит, как он сильно ее не любит. Пусть он скажет матери, что она знает, как это раздражает его, и нарочно хмурится. Если ты правильно поведешь дело, подопечный не заметит вопиющей неправдоподобности своих слов. И конечно, никогда не позволяй ему заподозрить, что и у него могут быть интонации и выражения лица, раздражающие ее. Поскольку он не видит и не слышит себя, справиться с этим легко. 4) В цивилизованном обществе домашняя ненависть выражается так: один из членов семейства говорит другому то, что показалось бы совершенно безобидным на листе бумаги (слова ведь безобидны), но в эту минуту, сказанное этим тоном мало чем отличается от пощечины. Чтобы поддержать эту игру, вы с Лизоблюдом должны следить за тем, чтобы у каждого из ваших дураков были разные требования к себе и к другому. Твой подопечный должен требовать, чтобы все его высказывания понимали в прямом смысле, дословно, в то время как все сказанное матерью умножится для него на контекст, подплеку и всякие тона. Ее нужно подстрекать к тому же самому. Тогда они разойдутся после каждой ссоры, веря или почти веря, что каждый из них совершенно невиновен. Ты ведь знаешь и понимаешь, что говорят в таких случаях:

«Я просто спросил у нее, когда мы будем обедать, а она совершенно озверела». Если эту привычку хорошо укрепить, перед тобой восхитительная ситуация — человек говорит что-нибудь с явным намерением оскорбить другого и в то же время обижается, если слова его воспримут как обиду.

В заключение расскажи мне, как относится старушка к религии. Не ревнует ли она сына? Не задета ли она тем, что он усвоил от других и так поздно то, чему, как она считает, она обучала его с детства? Не думает ли она, что он поднимает слишком большой шум или что вера ему слишком легко досталась? Помни старшего брата из притчи Врага.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Дилетантские предложения в твоём последнем письме напомнили мне, что пришло время поговорить с тобой полнее о таком неприятном предмете, как молитва. Ты мог бы и не писать, что мой совет по поводу молитв подопечного оказался «на редкость неудачным». Так не пишут племянники своему дяде, а младшие искусители — помощнику министра. К тому же я замечаю,

что ты хочешь уйти от ответственности. Учись расплачиваться за ошибки.

Лучше всего, насколько это возможно, вообще удержаться подшефного от молитв. Когда подопечный (как у тебя) — взрослый человек, недавно возвратившийся в стан Врага, это легче всего сделать, напоминая ему (или внушая ему, что он помнит) о попугайских молитвах его детства. Используя отвращение к таким молитвам, ты убедишь его стремиться к чему-то стихийному, спонтанному, бесформенному и нерегулярному. В действительности для начинающего это означает, что он станет вызывать в себе смутное «благоговейное настроение», при котором, конечно, не сосредоточены ни воля, ни разум. Один поэт, Колридж, писал, что он молится «не плетением привычных слов и не преклонением колен», но просто «утихая духом в любви» и «погружаясь духом в мольбу». Это нам и нужно. А поскольку такая молитва внешне похожа на ту молитву без слов, которой молятся очень продвинувшиеся на службе у Врага, то рассудительные и ленивые пациенты могут довольно легко и долго находиться в заблуждении. Наконец, их можно убедить, что положение тела совершенно неважно для их молитв (они ведь постоянно забывают то, что ты всегда должен помнить: они — животные я тела влияют у них на душу). Как ни смешно, эти твари всегда представляют, что мы пичкаем их мозги разными мыслями, в то время как для нас лучше всего отвлекать их от мыслей.

Если это не удастся, испробуй более тонкий способ. Всякий раз, когда его помыслы обращаются к самому Врагу, мы вынуждены отступить. Но есть способ помешать им. Самое простое — переключить его внимание с Врага на самого себя. Пусть сосредоточится на собственном сознании или пытается вызвать в себе чувства собственными волевыми усилиями. Когда ему захочется воззвать к Его милосердию, пусть он вместо этого начнет возбуждать в себе жалость к самому себе, не замечая, что делает. Когда он захочет молиться об укреплении мужества, пусть почувствует, что прощен. Научи его оценивать каждую молитву по тому, возбудила ли она желаемые чувства. И пусть он никогда не подозревает, насколько неудача или удача молитвы, при таком к ней отношении, зависит от того, здоров он или болен, устал или бодр.

Разумеется, Враг не всегда будет бездействовать — там, где молитва, всегда есть опасность, что Он вмешается. Он до неприличия равнодушен к собственному достоинству и к достоинству духов бесплотных (нашей части), а этим животным, преклоняющим колени, дарует самопознание совершенно возмутительным образом. Но если Он пресечет твои первые попытки направить молитву подопечного в другую сторону, у нас останется еще одно, более тонкое оружие. Людям не дано воспринимать Его прямо (чего мы, к сожалению, не можем избежать). Они никогда не испытывали той ужасающей ясности, того палящего блеска, из-за которого все наше существование — непрерывная мука. Если ты заглянешь в душу своего пациента, когда он молится, ты не найдешь там этой ясности. Если же ты еще пристальнее взглядишься в объект, к которому он обращается в молитве, ты обнаружишь нечто сложное, состоящее из множества весьма нелепых частей. Там будут образы, ведущие свой род от изображения Врага в позорный период Его вочеловечения. Там будут смутные, а то и совсем непонятные и примитивные, детские и наивные образы, связанные с двумя другими Лицами Врага. Могут подмешиваться сопутствующие молитве ощущения и даже благоговение перед самим собой. Я знаю случаи, когда то, что наш подопечный называл «богом», помещалось в левом углу потолка, или же в его собственной голове, или на распятии. Но какова бы ни была природа сложного представления о Враге, главное следи за тем, чтобы подопечный молился именно своему представлению, идолу, которого он сам себе сотворил, а не Тому, Кто сотворил его. Принуждай подопечного и к тому, чтобы он постарательнее исправлял и улучшал объект поклонения и постоянно думал об этом, пока он молится. Если когда-нибудь он достигнет ясности, если когда-нибудь он сознательно направит свои молитвы не «Тебе, каким я помышляю Твой Образ», но «Тебе, единственно Сущему», нам конец. Если он отбросит все свои представления и образы в сторону, распознав их ничтожно субъективную природу, и доверится Тому, Кто невидимо, но совершенно реально присутствует здесь, в одной с ним комнате, Тому, Кого ему никогда не познать, тогда как Тот его знает, — может случиться самое худшее. Избежать этого тебе поможет одно: сами люди жаждут раскрыть душу в молитве не так сильно, как им кажется. Но часто молитву слышат лучше, чем хочется человеку.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Когда ожидаешь подробного доклада о работе, а получаешь расплывчатые восторги, это несколько разочаровывает. Ты пишешь, что «себя не помнишь от радости», потому что европейцы начали свою очередную войну. Мне ясно, что с тобой произошло. Ты не охвачен радостью, ты просто пьян. Читая между строк твоего совершенно неуравновешенного письма о бессонной ночи пациента, я могу судить и о твоем состоянии. За свою карьеру ты впервые вкусил того вина, в котором награда за все наши труды. Это вино — тревога и смятение души человеческой — ударило тебе в голову. Тебя трудно винить: мудрая голова не венчает юные плечи. А вот впечатлили ли подопечного мрачные картины будущего, которые ты ему нарисовал? Ты подсказал ему печальные воспоминания о его счастливом прошлом, засосало у него как следует под ложечкой? Ты сумел сыграть на всех его тонких струнках? Что ж, это в порядке вещей. Но помни, Гнусик, делу — время, а потехе — час. Если твое теперешнее легкомыслие приведет к тому, что добыча выскользнет из рук, ты вечно и тщетно будешь жаждать вина, которого сейчас отведал. Если же с помощью настойчивых, хладнокровных и непрестанных усилий тебе удастся заполучить его душу, он — твой навеки. Он станет тогда живой чашей, до краев полной отчаянием, ужасом и смятением, и ты сможешь отпивать из нее, когда захочешь. Так что не позволяй временному возбуждению отвлекать тебя от главного дела, а дело твое — подрывать веру и тормозить добродетель. В следующем письме пришли мне тщательный и полный отчет о реакциях пациента, чтобы мы могли обдумать, что лучше: сделать из него крайнего пацифиста или пламенного патриота. Здесь у нас масса возможностей. Пока что я должен тебя предостеречь: не возлагай слишком много надежд на войну.

Конечно, война несет немало забавного. Постоянный страх и страдание людей — законный и приятный отдых для наших прилежных тружеников. Но какой в этом прок, если мы не сумеем воспользоваться ситуацией и не доставим новые души нашему отцу? Когда я вижу временные страдания человека, впоследствии ускользающего от нас, мне гадко, словно на роскошном банкете мне предложили закуску, а затем убрали всю еду. Это хуже, чем не пробовать ничего. А Враг, верный Своим варварским методам, позволяет нам видеть недолгие страдания Своих избранных только для того, чтобы помучить нас, искушить и в конце концов выставить на посмешище, оставляя нам непрестанный голод, создан ный Его охранительным заслоном. Подумаем, как воспользоваться европейской войной, а не как наслаждаться ею. Кое в чем она сработает в нашу пользу. Можно надеяться на изрядную меру жестокости и злобы. Но, если мы будем бдительны, мы на этот раз увидим, как тысячи обратятся к Врагу, а десятки тысяч, так далеко не зашедших, станут заниматься не собой, а теми ценностями и делами, которые они сочтут выше своих собственных. Я знаю, что Враг не одобрит многие из этих дел. Но именно здесь Он и не прав. Ведь Сам Он в конце концов прославляет людей, отдавших жизни свои за дела, которые Он считает плохими, на том чудовищном, достойном софиста основании, что самим людям эти дела казались добрыми и достойными. Подумай также, сколь нежелательным образом люди умирают на войне. Они знают, что их можно убить, и все же идут туда, особенно если они приверженцы Врага. Для нас было бы гораздо лучше, если бы все они умирали в дорогих больницах, среди врачей, которые им лгут по нашим же внушениям, обещая умирающим жизнь и утверждая их в том, что болезнь извиняет каждый каприз, и (если наши сотрудники хорошо знают свое дело) не допуская мысли о священнике, дабы тот не сказал больному о его истинном положении. А как губительна для нас постоянная память о смерти!

Наше патентованное оружие — довольство жизненными благами — оказывается бездейственным. В военное время никто уже не верит, что будет жить вечно.

Мне известно, что Паршук и некоторые другие видели в войнах огромную возможность для атак на веру, но такой оптимизм мне кажется сильно преувеличенным. Своим земным последователям Враг ясно показал, что страдание — неотъемлемая часть того, что Он называет

Искуплением. Так что вера, разрушенная войной или эпидемией, даже не стоит наших усилий. Конечно, именно в моменты ужаса, тяжелой утраты или физических страданий, когда разум человека временно парализован, ты можешь поймать его в ловушку. Но даже тогда, если человек воззовет о помощи к Врагу, он почти всегда, как я обнаружил, оказывается под защитой.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Приятно узнать, что возраст и профессия твоего подшефного не мешают призвать его на военную службу. Желательно, чтобы он находился в полнейшей неуверенности и воображение его кишело противоречивыми картинками будущего, рождающими то страх, то надежду. Ничто не защищает человеческую душу от Врага лучше, чем тревога и неизвестность. Враг хочет, чтобы люди сосредоточились на своем деле; наша задача — поддерживать их мысли о том, что может с ними случиться.

Твой подопечный, конечно, знает, что он должен послушно следовать Вражьей воле. Конечно, Враг имеет в виду, что человек должен терпеливо принимать те горести, которые выпадают ему сейчас, тревогу и неизвестность настоящего. Как раз в ответ на эти горести он должен сказать: «Да будет воля Твоя», и за то, что он ежедневно несет именно этот крест, и получит он хлеб насущный. Твоя задача в том, чтобы подопечный никогда не думал о своем теперешнем страхе как о возложенном на него кресте, а думал о предметах своего страха. Заставь его воспринимать их как кресты. Заставь его забыть о несовместимости пугающих его опасностей, о том, что все разом они не могут на него свалиться. Заставь его настроиться на то, что в будущем он вынесет их стойко и терпеливо. На самом деле почти невозможно проявить истинное смирение перед лицом судьбы, у которой дюжина гипотетических обличий. Тому, кто пытается это сделать, Враг не оказывает значительной помощи. Смирение же перед теперешним, подлинным страданием, даже если страдание только в страхе, не остается обычно без помощи свыше.

Здесь действует важный духовный закон. Я уже объяснял тебе, что ты можешь ослабить молитвы подопечного, переключив его внимание с Врага на собственные представления о Нем. И страхом легче управлять, если мысли человека переключены с предмета страха на сам страх (причем страх этот воспринимается как нынешнее и нежелательное состояние). Если же он сочтет страх возложенным на него крестом, он неизбежно сочтет его и душеполезным. Таким образом, можно сформулировать общее правило: если разум подопечного работает на нас — отвлеки его от самосознания; если же разум работает на Врага, сосредоточь его на себе. Пусть обида или женское тело так увлекут его, что ему и в голову не придет подумать: «Я разозлился» или «Я поддаюсь похоти». И напротив, пусть мысль: «Я становлюсь набожней» или «...всех милосердней» так поглотит его, что он не оторвет свой взгляд от себя, не обратит его к Врагу и ближним.

Что касается его общего отношения к войне, ты не должен слишком полагаться на ту ненависть, которую люди так любят обсуждать в христианской и антихристианской печати. Когда подопечному очень плохо, конечно, стоит разогреть его злобные чувства к немецким лидерам: это хорошо. Но обычно это всего лишь мелодраматическая или мифическая ненависть, направленная против каких-то воображаемых козлов отпущения. Он никогда в жизни не встречал этих людей — это все образы, скроенные из газетных сведений. Результаты такой выдуманной ненависти часто для нас огорчительны, а из всех людей англичане в этом отношении самые прискорбные тряпки. Они как раз из тех ничтожеств, которые вопят, что всех пыток мира мало для их врагов, а потом отдают чай и сигареты первому же раненому немецкому пилоту, оказавшемуся у их кухонной двери.

Как бы ты ни действовал, в душе твоего пациента всегда есть и доброе, и злое. Главное направлять его злобу на непосредственных ближних, которых он видит ежедневно, а доброту переместить на периферию так, чтобы он думал, что испытывает ее к тем, кого вообще не знает.

Тогда злоба станет вполне реальной, а доброта мнимой. Нет смысла разжигать в нем ненависть к немцам, если в то же время в нем растет пагубная доброта к матери, к начальнику на работе и к соседям по трамваю. Представь себе пациента в виде концентрических кругов, из которых центральный — его воля, следующий — разум, а затем — фантазия. Вряд ли можно из всех кругов выхлостить все, несущее печать Врага, но ты должен подталкивать все добродетели от центра к краю, пока они не обоснуются в круге фантазии, а все желательные нам качества — в круге воли. Только дойдя до воли и став привычками, добродетели действительно опасны для нас. Я, разумеется, имею в виду не то, что подопечный считает своей волей, когда он рвет, мечет и обретает решимость, стиснув зубы, а подлинный центр его — то, что Враг называет сердцем. Никакие добродетели, окрашенные фантазией, одобренные разумом, даже пылко любимые, не уберегут человека от отца нашего: он только окажется еще смешнее, когда попадет к нему.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Меня удивляет твой вопрос. Ты интересуешься, важно ли, чтобы подопечный знал (или не знал) о твоём существовании. Что до настоящей фазы борьбы, на этот счет была инструкция низшего командования. Наша политика и состоит в том, чтобы скрываться. Разумеется, так было далеко не всегда. Перед нами мучительная дилемма. Когда люди не верят в нас, нам не получить тех отрядных результатов, которые дает прямой террор, и к тому же мы лишены радостей магии. С другой стороны, когда они в нас верят, мы не можем делать из них материалистов и скептиков. Во всяком случае, пока еще не можем. Надеюсь, в свое время мы научимся так разбавлять науку эмоциями и мифами, что вера в нас (под измененным названием) проберется и обоснуется в них, тогда как душа человека останется закрытой для веры во Врага. Вера в «жизненную силу», культ секса и психоанализ могут оказаться здесь весьма полезными. Если нам когда-либо удастся создать изделие высшего качества — мага-материалиста, не только использующего, но и почитающего то, что он туманно и расплывчато именуется «силами», отрицая при этом невидимый мир, мы будем близки к победному концу. Не думаю, что тебе очень уж трудно обманывать пациента. «Черти» — комические персонажи для современных людей, и это поможет тебе. Если какое-то смутное подозрение забрезжит в голове подшефного, покажи ему изображение существа в красном трико, убеди его, что, поскольку в такое существо он верить не может, он не может верить и в тебя. Это старый метод, он есть во всех учебниках.

Я не забыл своего обещания и обдумал, сделать ли подшефного крайним патриотом или крайним пацифистом. Все крайности, кроме крайней преданности Врагу, следует поощрять. Не всегда, разумеется, но в настоящее время — безусловно. Бывают времена прохладные и самодовольные, тогда мы помогаем людям еще крепче уснуть. В другие времена, готовые вспыхнуть раздорами, наша задача — подливать масла в огонь. Каждая маленькая группа людей, связанная общим интересом, который другие отвергают или игнорируют, постепенно вскармливает тепличное благодушие, конечно — друг к другу. По отношению же ко всем прочим развивается гордость и даже ненависть, проявляемые без всякого стыда, ибо они санкционированы «делом» и освобождают от личной ответственности. То же самое происходит и в маленьких группах, первоначально возникающих во имя служения Врагу. Мы хотим, чтобы церковь была маленькой для того, чтобы принадлежащие к ней приобрели замкнутость, скованную напряженность, самодовольную непогрешимость, свойственные тайным обществам и кл икам, а не только для того, чтобы меньше людей знало Врага. Сама Церковь, конечно, надежно защищена, и нам еще никогда не удавалось придать ей характерные черты фракции. Но некоторые группировки, входящие в нее, часто радовали нас превосходными результатами, от партий Павла и Аполлоса в Коринфе до двух англиканских церквей в Англии.

Если твоего подопечного удастся сделать совестливым пацифистом, он автоматически окажется членом маленького, громогласного, сплоченного и непопулярного общества, что

почти наверняка хорошо повлияет на новообращенного христианина. Но только «почти»! Сомневался ли он до войны в том, оправдано ли участие даже в справедливой войне? Достаточно ли он мужествен, чтобы не поддаться полубессознательному самообману, скрывающему истинные мотивы собственного пацифизма? Убежден ли он в минуты наибольшей честности (никто из людей никогда не бывал совершенно честен), что он хочет только следовать воле Врага? Если он именно таков, его пацифизм, увы, сыграет на руку не нам, а Враг, вероятно, защитит его от обычных последствий принадлежности к секте. В таком случае посоветую тебе вызвать и нем внезапный и запутанный эмоциональный кризис, из которого он мог бы выйти неуверенным и шатким патриотом. Но если я его верно себе представляю, лучше попробовать пацифизм.

На что бы он ни решился, твоя задача неизменна. Пусть он сочтет патриотизм или пацифизм частью своей религии, а под влиянием партийного духа пусть отнесется к нему как к самой важной ее части. Потом спокойно и постепенно подведи его к той стадии, когда религия просто станет частью «дела», а христианство он будет ценить главным образом за те блестящие доводы, которые можно надергать из его словаря, чтобы оправдать английские военные действия или же пацифизм. Не допускай одного, чтобы пациент рассматривал жизненные дела как материал для послушания Врагу. Если ты сделал мир целью, а веру — средством, человек уже почти в твоих руках и тут совершенно безразлично, какую цель он преследует. Если только митинги, брошюры, политические кампании, движения и дела значат для него больше, чем молитва, таинство и милосердие, — он наш. И чем больше он «религиозен» (в этом смысле), тем крепче мы его держим. Я мог бы показать тебе целую клетку таких у нас, внизу. Потешный уголок!

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Итак, ты «полон надежд на то, что религиозная фаза твоего подопечного близится к концу»! Я всегда подозревал, что институт Искусителей сильно испортился с тех пор, как его возглавил старик Гад. Теперь я окончательно в этом убедился. Неужели тебе никто не говорил о законе волнообразного чередования?

Как и земноводные, люди двойственны — они полудухи, полуживотные. Решение Врага создать столь возмутительный гибрид было одной из причин, побудивших отца нашего отступить от Него. Как духи, они принадлежат вечности; как животные, существуют во времени. Это означает, что дух их может быть устремлен к вечности, а тела, страсти и воображение постоянно изменяются, ибо существовать во времени и означает «изменяться». К постоянству они ближе всего при волнообразном чередовании, Это значит, что они возвращаются от спада к высшему уровню, которого они не сумели выдержать, и снова идут к спаду; такая цепь подъемов и спусков. Если бы ты тщательно наблюдал за своим подопечным, ты увидел бы эти чередования повсюду в его жизни. Его интерес к работе, привязанность к друзьям, даже аппетит то активизируются, то притупляются. Пока он живет на свете, периоды эмоциональной и физической интенсивности и живости сменяются периодами усталости и апатии. Сухость и скука, переживаемые в настоящее время твоим пациентом, не являются, как ты полагаешь в своей наивной радости, делом твоих рук. Они — вполне естественны, и нам не будет никакого прока, если ты не сумеешь их правильно использовать.

Чтобы решить, как их лучше обработать в нашу пользу, надо спросить себя, какую цель здесь преследует Враг, и действовать прямо противоположно. Вероятно, ты с удивлением узнаешь, что Он больше полагается на периоды спада, нежели на периоды подъема. Некоторым из особенно Им чтимых пришлось пройти через очень продолжительные периоды спада. Причина этого — в следующем. Для нас человек преимущественно пища, наша цель — поработить его волю, нам надо увеличить площадь нашего эгоизма за его счет. Враг же требует от него совершенно иного. Нужно твердо усвоить, что все разговоры о Его любви к людям и о том, что служение Ему — подлинная свобода, не просто пропаганда (как нам хотелось бы

думать), а ужасающая правда. Он действительно вздумал наполнить Вселенную множеством Своих отвратительных маленьких подобий. Ему нравится, чтобы она кишела существами, чья жизнь в миниатюре подобна Его собственной не потому, что Он подчинил их, а потому, что их воля свободно сопрягается с Его волей. Нам нужно стадо, которое станет нам п ищей. Он хочет слугителей, которые станут Ему сыновьями. Мы хотим проглотить. Он — отдавать. Мы пусты и хотим насытиться. Он — полнота, неистощимый источник. Цель наша — мир, состоящий из людей, захваченных отцом преисподней: Враг жаждет, чтобы все люди соединились с Ним и при этом каждый остался неповторимой частицей.

А теперь — о периодах спада. Ты, вероятно, часто удивлялся, почему Враг не пользуется Своей властью и не дает ощутить Свое присутствие, когда Ему угодно. И Всемогущество и Неоспоримость запрещены Ему самой сутью Его деятельности. Просто поглотить волю человека (как поглощает ее ощущение Его присутствия) для Него бесполезно. Он не может захватывать. Он может только призывать. Его мерзкая идея в том и состоит, чтобы и капитал приобрести, и невинность соблюсти. Люди должны быть едины с Ним, не утратив своей личности. Ни пренебрежение людьми, ни порабощение их Его не устраивает. Он готов чуть-чуть подстегнуть новообращенных. Он иногда приободрит их, давая ощутить Свое присутствие, пусть слабо и тускло, но с них и того хватает. Он оживляет их благодатной радостью и легкой победой над искушением. Но никогда Он не даст этому долго длиться. Рано или поздно Он отведет их от Своей поддержки и Своего наставничества, если и не в действительности, то в их представлении. Он вынуждает Свои создания встать на собственные ноги и с помощью одной лишь воли исполнять обязанности, потерявшие всю свою привлекательность. Именно в периоды спада, а не в периоды подъема человек ближе всего к тому, кем Враг назначил ему быть. Поэтому молитвы, обращенные к Нему в «духовную засуху», Он и ценит больше всего.

Мы же должны тянуть к себе наших пациентов за веревку искушений — они предназначены нами только на заклятие, и чем больше это одобрит их воля, тем лучше. Он не может вовлекать в добродетель, как мы вовлекаем в грех. Он учит их ходить и должен убрать Свою руку. И если они действительно хотят ходить, Он радуется даже тогда, когда они споткнутся. Не обманывайся, Гнусик. Наше дело в особенно большой опасности, когда человек оказывается во Вселенной, из которой, казалось бы, исчез всякий след Врага, и спрашивает, почему он покинут, и продолжает повиноваться Ему без особого желания, но с твердым намерением следовать воле Вражьей.

Конечно, периоды спада и нам предоставляют некоторые возможности. На следующей неделе я дам тебе несколько советов, как ими воспользоваться.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Дорогой Гнусик!

Надеюсь, мое последнее письмо убедило тебя в том, что период пустоты или «засухи», переживаемый сейчас твоим подопечным, не принесет тебе его душу готовенькой, здесь надо тщательно поработать. Какие формы примет твоя работа, я сейчас поясню.

Прежде всего, периоды спада в цепи духовных чередований дают прекрасные возможности для чувственных соблазнов, особенно искушений пола. Это тебя удивит, ибо физическая энергия и, следовательно, похоть интенсивнее в периоды духовного оживления. Но помни, что силы внутреннего сопротивления тоже крепче именно в эти периоды. Здоровье и бодрое состояние, которые ты хочешь сделать побудителями похоти, увы, можно использовать для работы, игр, размышлений или невинного веселья. У нашей атаки много больше шансов на успех, если внутренний мир человека скучен, холоден и пуст. Замечу еще, что чувственность во время спада имеет тонкое качественное отличие от чувственности в период оживления. Гораздо менее вероятно, что она повлечет за собой то кисейное состояние, которое люди называют «влюбленностью». Чувственность во время спада можно легко направить в русло извращений, она менее заражена порывами великодушия, фантазии и даже духовности, которые часто

приводят нас к разочарованию в человеческой, похоти. Так же обстоит дело и с другими ощущениями человека. Весьма вероятно, что тебе удастся сделать из твоего подопечного крепкого пьяницу. При этом лучше ему выпить рюмочку в минуту скуки и усталости, чтобы забыться и успокоиться, чем в компании с друзьями, ради общительности и веселья. Всегда помни, что удовольствие, испытываемое в здоровой, нормальной и плодотворной форме, лежит в зоне действия Врага. Я знаю, что с помощью удовольствий мы завладели многими душами. Тем не менее удовольствие — Его изобретение, а не наше. Он сотворил все радости и развлечения, а наши научные поиски до сих пор не дали результатов. Мы можем только побуждать людей к наслаждению тогда, когда это запрещено Им. Поэтому мы всегда стараемся отвести человека от естественных удовольствий к менее естественным, утратившим связь со своим Творцом и приносящим меньше радости. На этом пути формула человеческого падения такова: все больше жажда, все меньше удовлетворение. Это надежный путь, вполне в духе современной нравственной моды. Завладеть душой человека и не дать ему взамен ничего — истинная радость для отца нашего. А периоды спада — лучшее время для начала такого процесса.

Но можно и еще лучше использовать эти периоды: воспользуйся мыслями пациента о своем спаде. Как всегда, основное здесь — держать его волю подальше от разума. Не давай ему даже заподозрить о законе волнообразного чередования. Держи его в убеждении, что первый пыл не должен прекращаться, что его надо постоянно поддерживать, а нынешняя сухость — состояние неизменное. Как только ты укрепишь в нем эту ложную концепцию, ты сможешь действовать разными способами. Все зависит от того, принадлежит ли твой пациент к типу людей, легко падающих духом, которых можно искушениями довести до отчаяния, или к типу людей, охотно цепляющихся за фальшивые надежды, которых можно уверить, что все хорошо. Первый тип теперь встречается редко. Если окажется, что твой подопечный принадлежит к нему, все очень просто. Тебе только следует держать его подальше от христиан (что нетрудно в наше время), указывать ему подходящие места в Писании, и пусть он трудится над безнадежной задачей — пытается воссоздать свои старые чувства собственной в олей. Тогда победа за нами. Если же он из людей, довольствующихся надеждами, — заставим его смириться с низкой температурой собственного духа и постепенно удовольствоваться ею, уверив себя, что в конце концов она не такая уж и низкая. Недели через две ему неплохо задуматься, не были ли его чувства в первые дни обращения несколько преувеличенными. Поговори с ним о том, что «во всем надо знать меру». Если тебе удастся, подведи его к мысли: «Верить хорошо, но зачем же крайности!» Религия «в меру» для нас так же хороша, как полное неверие, и куда смешнее.

Другая возможность — прямая атака на веру. Когда, твоими трудами, он примет свой духовный спад за прочное состояние, не мог бы ты убедить его в том, что «религиозный период» близится к концу, как и все предыдущие периоды? Разумеется, нет никакой логической связи между утверждением «я теряю к этому интерес» и выводом «значит, это ложно». Но, как я уже говорил тебе, ты должен полагаться на самоуверенную тарабарщину, а не на разум. От простого слова «период», по всей вероятности, сработает весь трюк. Полагаю, что твой подопечный прошел несколько периодов (все через них проходили) и чувствует себя опытной и выше прежних не потому, что относится к ним критически, а просто потому, что они уже позади. Надеюсь, ты хорошо его подкармливаешь туманными идеями о Прогрессе, Развитии и Исторической Точке Зрения, даешь ему достаточно современных биографий? Люди в них всегда проходят через разные периоды.

Ясна тебе суть? Держи его разум подальше от простой разницы между «хорошо» и «плохо». Очень милы и туманные выражения: «Был у меня такой период...», «Я прошел через это...» И не забудь трезвого: «Я взрослый человек».

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Мне было приятно узнать от Пройдохи, что у твоего подопечного появилось несколько

очень полезных для нас знакомых, а тебе удалось воспользоваться этим многообещающим средством. Полагаю, что средних лет супруги, с которыми он познакомился, именно такие люди, с которыми и следует знаться: богатые, элегантные, поверхностно интеллектуальные и блистательно-скептические ко всему на свете. По-видимому, они балуются расплывчатым пацифизмом не по моральным причинам, а потому, что привыкли относиться свысока ко всему, что волнует общую массу их соотечественников, и еще из-за легкого налета чисто позерской, литературной симпатии к коммунизму. Это все превосходно. Кажется, ты хорошо воспользовался его социальным, а также сексуальным и интеллектуальным тщеславием. Расскажи мне об этом подробнее. Достаточно ли он в это вжился? Судить надо, конечно, не по словам. Есть тонкая игра взглядов, интонаций, улыбок, с помощью которой человек может показать собеседнику, что они люди одного круга. Измену такого рода ты особенно долж ен поощрять, так как сам человек полностью не осознает ее, а к тому времени, когда он осознает, ему будет крайне трудно вернуться на старые позиции.

Без сомнения, он очень скоро поймет, что его собственная вера прямо противоположна той самонадеянности, на которой основаны все разговоры его новых друзей. Но не думаю, что это будет для него важно, если ты сможешь его убедить, чтобы он отложил всякие открытые объяснения, а это легко сделать, играя на его застенчивости, гордости, сдержанности и тщеславии. Пока он откладывает — он в ложном положении. Он будет молчать, когда ему следует говорить, и смеяться, когда ему следует молчать. Он поддержит (сначала молча, а затем и на словах) циничные и скептические мнения, которых он в действительности не разделяет. Но если обращаться с ним умело, то они в конце концов могут стать и его собственными. Все смертные склонны становиться теми, кого они из себя строят. Это элементарно. Серьезный же вопрос — как подготовиться к контратаке Врага.

Первое: оттягивай как можно дольше тот момент, когда он осознает, что его новое удовольствие — искушение. Поскольку слуги Врага вот уже две тысячи лет проповедуют, что мирская суета — одно из сильнейших и простейших искушений, казалось бы, нам трудно на этом сыграть. Но, к счастью, они совсем мало говорили об этом в последние десятилетия. В современной христианской литературе хоть и много можно найти о «маммоне» (и даже больше, чем мне хотелось бы), но очень мало предостережений о суете, выборе друзей и ценности времени. Все это твой подшефный, вероятно, назвал бы «пуританством». (Позволю себе заметить, кстати, что та окраска, которую мы придаем этому термину, принадлежит к числу наших самых весомых и ценных побед за последнее столетие. С ее помощью мы ежегодно спасаем тысячи людей от сдержанности, целомудрия и трезвости.) Однако рано или поздно истинная сущность его новых друзей станет ему ясна, и тогда твоя новая тактика должна исходить из того, насколько он разумен. Если он достаточно глуп, позволь ему осознавать истинный характер его друзей только в их отсутствие. Если это удастся, ты побудишь его жить (как, я знаю, живут многие люди) двумя параллельными жизнями. Он не только будет казаться, но действительно станет разным человеком в разных кругах.

Если уж и это не удастся, есть еще более тонкий и интересный способ. Он может, с твоей помощью, прямо-таки получать удовольствие, думая о том, что у его жизни — две независимые стороны. Этого можно добиться, играя на его тщеславии. Он будет наслаждаться по воскресеньям, стоя на коленях с лавочником и не забывая, что лавочник вряд ли поймет тот изысканный и насмешливый мир, где ему так легко в субботние вечера. С другой стороны, он будет наслаждаться непристойностями и богохульством за чашкой кофе у своих восхитительных знакомых еще больше, так как знает о своем «глубоком» и «духовном» мире, которого им не понять. Ясна тебе суть? Мирские друзья затрагивают одну сторону его жизни, лавочник — другую, а он — совершенный, гармоничный, сложный человек с более широким кругозором, чем все они. Так, изменяя, по крайней мере, двум группам людей, он ощутит вместо стыда подсознательное самодовольство. Если же все твои усилия окажутся тщетными, сделай так, чтобы он шел против совести и продолжал приятельские отношения, полагая, что каким-то необъяснимым образом «исправляет» этих людей, когда он просто пьет их коктейли и смеется их шуткам, а разрыв с его стороны означал бы «педантизм», «нетерпимость» и (разумеется!) «пуританство».

Попутно тебе необходимо побеспокоиться о том, чтобы из-за нового увлечения он тратил больше, чем может себе позволить, и меньше внимания уделял работе и собственной матери. Мать станет ревновать и беспокоиться, он — замыкаться и грубить, а этому цены нет для развития домашних отношений.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Видимо, все идет очень хорошо. Особенно рад узнать, что новые друзья твоего пациента познакомили его со всем своим кругом. Я успел проверить в списках, что это вполне надежные люди, прочные хулители Врага и рабы земного, которые, не совершая особых преступлений, спокойно и уверенно идут прямо в дом отца нашего. Ты говоришь о том, что они любят посмеяться. Надеюсь, ты не хочешь этим сказать, что смех как таковой полезен для нас всегда. Этот пункт следует разобрать особо.

Я разделяю причины человеческого смеха на следующие: радость, веселье, анекдоты и развязность. Радость проявляется, когда друзья или влюбленные снова встретятся после краткой разлуки. Взрослые люди обычно придумывают какой-нибудь предлог для смеха в виде шутки. Но та легкость, с которой даже самые пустяковые остроты вызывают в такой момент улыбку, показывает, что не в шутках дело. В чем тут причина, мы до сих пор не знаем. Что-то подобное этой радости выражается в гнусном искусстве, называемом музыкой, и еще что-то похожее, говорят, бывает в раю, на небесах — какое-то бессмысленное и ненужное учащение ритма блаженных эмоций, совершенно непонятное для нас. Такой смех не в нашу пользу, и ему всегда следует противодействовать. Он просто противен и оскорбителен для того реализма, достоинства и строгости, которые все время царят в аду.

Веселость близка к радости. Это легкая пена, и рождает ее инстинкт игры. Она тоже приносит нам мало пользы. При ее помощи, конечно, иногда можно оторвать людей от чувств и от действий, угодных Врагу. Однако сама по себе она не содержит ничего хорошего, а плохое — несет: содействует мужеству, милосердию, нетребовательности и многим другим порокам.

Анекдот, помогающий внезапно увидеть смешное и нелепое, все же обещает больше. Я отнюдь не имею в виду неприличные или грубые анекдоты: они чаще всего не приводят к ожидаемым результатам, хотя посредственные искусители возлагают на них большие надежды. Следует знать, что люди в этом отношении четко делятся на два типа: для одних «нет страсти сильнее зова плоти», но неприличный анекдот не разжигает их, потому что он смешной. У других людей такой анекдот рождает смех и похоть одновременно, от одной и той же причины. Люди первого типа шутят на сексуальные темы, потому что они часто и впрямь смешны, люди второго типа просто используют повод поговорить о сексуальном. Если твой пациент принадлежит к первому типу, неприличные анекдоты тебе не помогут. Никогда не забуду те часы, которые я потерял с одним из моих первых пациентов, шатаюсь в страшной скуке по барам и салонам, прежде чем усвоил себе это правило. Узнай, к какому типу принадлежит твой пациент, и следи за тем, чтобы он об этом не проведал.

Истинная польза от шуток и юмора совершенно в другом. Эта польза особенно много обещает при обработке англичан, которые смотрят на свое «чувство юмора» столь серьезно, что недостаток его — почти единственный порок, которого они действительно стыдятся. Юмор для них сглаживает и, заметь, извиняет все. Вот такой юмор совершенно неоценим как средство против стыда. Если человек просто заставляет других за себя платить — он пошляк. Если же он шутливо хвастает при этом и дразнит своих друзей тем, что они дают себя раскрутить, — он уже не пошляк, а весельчак. Просто трусость позорна, но если ее замаскировать шутливым хвастовством, юмористическими преувеличениями и комическими ужимками, она может показаться забавной. Жестокость позорна, если жестокий человек не назовет ее шуткой. Тысячи непристойных и даже кощунственных анекдотов не продвинул так человека в сторону гибели, как открытие: он может сделать почти все, что угодно, и друзья не осудят его, а восхвалят, если только он выдаст это за шутку. Кроме того, такой соблазн можно почти

полностью скрыть от твоего подопечного за счет вышеупомянутого «серьезного отношения к юмору». Всякую мысль о том, что и в шутках можно зайти слишком далеко, представь ему как «пуританство» или «тупость».

Однако развязный смех лучше всего. Во-первых, он не стоит особых усилий. Только умный человек способен умело пошутить о добродетели. Но любого развязного пошляка можно научить добродетель высмеивать. Среди развязных людей всегда предполагается, что кто-то из них сказал что-то остроумное и смешное, хотя никто ничего такого и не говорил: каждый серьезный предмет они обсуждают так, как будто в нем уже нашли смешную и нелепую сторону. Устойчивая привычка к развязному смеху прекрасно защищает от Врага. Кроме того, она свободна от тех опасностей, которые содержатся в прочих видах смеха. Между развязным смехом и радостью — огромное расстояние. Развязность притупляет, а не проясняет разум и отнюдь не сближает предающихся ей.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Отрадно видеть явный прогресс. Я только опасаюсь, как бы ты, стремясь побыстрее добиться нужных результатов, не пробудил бы подопечного и он не осознал бы своего истинного положения. Хотя мы с тобой видим это положение в верном свете, мы никогда не должны забывать, насколько иным оно кажется ему.

Мы знаем, что нам удалось направить его в другую сторону, увести от Врага. Но пусть он думает, что причины такого изменения вполне обыденны и легко и просто устранимы. Он ни в коем случае не должен заподозрить, что сейчас он медленно удаляется от солнца в холод и мрак совершенно безбрежной пустоты.

Именно поэтому я почти обрадовался, услышав, что он все еще молится, ходит в церковь и приступает к таинству. Я знаю, это опасно для нас, но было бы еще хуже, если бы он понял, как далек от высокого накала первой поры. Пока он внешне сохраняет привычки христианина, можно поддерживать его в уверенности, что у него просто появилось несколько новых друзей и новых удовольствий, но его духовное состояние в основном такое же, как и шесть недель назад. Пока он так думает, нам даже не надо бороться с осознанным раскаянием во вполне определенном грехе. Будем только ослаблять смутное и тревожное чувство, что он не совсем правильно вел себя в последнее время.

С этой смутной тревогой обращайся очень осторожно. Если она усиливается, она может пробудить человека и испортить всю нашу работу. С другой стороны, если ты заглушишь эту тревогу полностью, чего, вероятнее всего, Враг тебе сделать не позволит, мы упустим возможность обернуть ее себе па пользу. Если же позволить ей развиваться, но не до таких пределов, когда она становится неотступной, переходя в подлинное покаяние, она приобретет одно неопределимое достоинство. Пациенту будет все труднее думать о Враге. Все люди во все времена в какой-то степени испытывали эту неохоту. Но если мысль о Нем поднимает в человеке целый ряд полусознанных грехов, эта неохота усиливается. Тогда он возненавидит всякую свою мысль, напоминающую о Враге, как близкому к банкротству человеку ненавистен один вид банковской книжки. В этом состоянии твой пациент проникнется неприязнью к своим религиозным обязанностям. Прежде чем приступить к ним, он будет думать о них настолько мало, насколько это еще допускает чувство приличия, и по их окончании он будет забывать о них как можно быстрее. Несколько недель назад тебе приходилось искушать его фантазиями и невнимательностью во время молитвы. Теперь он примет тебя с распростертыми объятиями и почти начнет упрашивать, чтобы ты отвлек его и опустошил его сердце. Он сам захочет, чтобы его молитвы не были сердечными, ибо ничто не испугает его больше, чем непосредственное присутствие Врага. Он станет стремиться к тому, чтобы спящая совесть лгала.

Когда это состояние в нем укрепитя, ты мало-помалу освободишься от утомительной обязанности использовать удовольствия в качестве искушений. Когда тревога и нежелание разобраться в сути этой тревоги уведут его от подлинной радости; когда привычка лишит

приятности суетливые удовольствия, а возбужденность чувств накрепко привяжет к ним (к счастью, именно так привычка действует на удовольствие), ты увидишь, что его блуждающее внимание можно привлечь чем угодно. Тебе даже не нужно будет использовать хорошую книгу, которую он действительно любит, чтобы удержать его от молитв, работы и сна; вполне достаточно колонки объявлений из вечерней газеты. Ты заставишь его терять время не только в интересных для него разговорах с приятными ему людьми, но и в разговорах с теми, кто ему безразличен, на совершенно скучные темы. Он у тебя временами вообще ничего не будет делать. Ты его продержишь до поздней ночи не в шумной компании, а в холодной комнате, у потухшего камина. Всю его здоровую внешнюю активность можно подавить, а взамен дать ничто, чтобы под конец он мог сказать, как сказал один мой пациент, прибыв сюда: «Теперь я вижу, что большую часть своей жизни я не делал ни того, что я должен был делать, ни того, что мне хотелось». А христиане говорят, что Враг

— это Тот, без Кого ничто не обладает силой. Нет, НИЧТО очень сильно, достаточно сильно, чтобы украсть лучшие годы человека, отдать их не услаждающим грехам, а унылому заблуждению бессодержательной мысли. Ничто отдает эти годы на утоление любопытства, столь слабого, что человек сам его едва осознает. Ничто отдает их постукиванию пальцами, притоптыванию каблуками, насвистыванию опротивевших мелодий. Ничто отдает их длинным, туманным лабиринтам мечтаний, лишенных даже страсти или гордости, которые могли бы украсить их, причем, окунувшись однажды в эти мечтания, слабый человек уже не может стряхнуть их с себя.

Ты скажешь, что все это мелкие грешки. Тебе, конечно, как и любому молодому искусителю, больше всего хотелось бы, чтобы ты мог доложить о какой-нибудь картинной подлости. Но помни, самое важное — в какой степени ты удалил подшефного от Врага. Неважно, сколь малы грехи, если их совокупность оттесняет человека от Света и погружает в ничто. Убийство ничуть не хуже карт, если карты дают нужный эффект. Поистине, самая верная дорога в ад — та, по которой спускаются постепенно, дорога пологая, мягкая, без внезапных поворотов, без указательных столбов.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ

Дорогой Гнусик!

Мне кажется, в последний раз ты извел слишком много бумаги на изложение совершенно простой истории. Все дело в том, что ты дал своему подопечному выскользнуть из рук. Положение довольно серьезное, и я отнюдь не намерен защищать тебя от последствий твоей небрежности. Раскаяние и новый приток того, что противник называет «благодатью», да еще такой мощный, как ты описываешь, — крупный провал. Это равносильно вторичному обращению, возможно, на более высоком уровне, чем первое.

Тебе следовало бы знать, что душливное облако, мешавшее твоим атакам на пациента, когда он шел со старой мельницы, давно известно. Это самое варварское оружие Врага, оно обычно появляется, когда Он непосредственно рядом с пациентом при особых обстоятельствах, классификация которых у нас еще полностью не разработана. Некоторые люди всегда окружены таким облаком и потому недостижимы для нас.

А теперь о твоих ошибках. Судя по твоему описанию, ты, во-первых, позволил пациенту прочесть книгу лишь потому, что она действительно ему нравится, а не для того, чтобы ронять умные реплики у новых друзей. Во-вторых, ты позволил ему прогуляться на старую мельницу, выпить там чаю, пройтись по деревне, которая ему тоже нравится и побыть при этом одному. Другими словами, ты позволил ему получить два истинных удовольствия. Неужели ты настолько невежествен, что не увидел опасности? Основная особенность страдания и наслаждения в том, что они совершенно реальны и, пока длятся, дают человеку критерий реальности. Если бы ты попытался погубить своего подопечного методом романтизма, стараясь сделать из него Чайльд Гарольда или Вертера, погруженного в жалость к самому себе из-за выдуманных бед, тебе нужно было бы предохранять его от всякого подлинного страдания. Пять

минут реальной зубной боли разоблачат все романтические печали, покажут, какая это все ерунда, и сорвут маску со всей твоей стратегии. Ты пробовал погубить своего пациента земными соблазнами, подсовывая ему тщеславие, суету, иронию, дорогие и скучные удовольствия. Как же ты не разобрался в том, что подлинного удовольствия ни в коем случае нельзя допустить? Разве ты не мог предвидеть, что такое удовольствие по контрасту просто убьет всю ту мишуру, к которой ты его с таким тщанием приучал? Что то удовольствие, которое дали ему прогулка и книга, особенно опасно для нас? Что оно сорвет с его души кору, которой она твоими стараниями начала обрастать? Да ведь оно дало ему почувствовать, что он возвращается домой, вновь находит себя! Отдаляя подопечного от Врага, ты хотел отдалить его от себя самого и в какой-то степени преуспел. А теперь все насмарку.

Конечно, я знаю, и Враг не хочет, чтобы люди были привязаны к самим себе. Но это совершенно другое дело. Помни, что Он действительно любит этих маленьких насекомых и до смешного ценит неповторимость каждого из них. Когда Он говорит, что они должны отрешиться от себя, Он имеет в виду отказ от притязаний их своеволия. Когда они следуют этому наказу, Он возвращает им личность во всей полноте и даже хвалится (боюсь, вполне искренне), что они тем больше обретают себя, чем больше принадлежат Ему. Радуюсь тому, что они жертвуют даже самыми невинными проявлениями воли. Он ужасается, когда они по какой-то причине изменяют самим себе. А мы всегда должны побуждать их к этому. Самые глубокие импульсы и склонности человека — то сырье, та строительная площадка, которыми Враг снабдил его. Заставив его отойти от них, мы выигрываем очко. Даже в несущественных вопросах желательно подменить его собственные взгляды земными стандартами, условностями или модой. Сам я всегда искореняю из своего пациента всякую личную склонность, например интерес к состязаниям по крикету, коллекционирование марок или любовь к какао. Такие склонности не несут в себе, разумеется, никакой добродетели. Но в них есть какая-то невинность, какая-то смиренность, самозабвение, которые мне противны. Человек, искренне и бескорыстно наслаждающийся чем-нибудь, не обращая ни малейшего внимания на то, что скажут другие, уже самим этим защищен от некоторых наших утонченных методов. Всегда старайся, чтобы пациент отказался от людей, книг, блюд, которые он действительно любит, в пользу «значительных» людей, «самых известных» книг и «самых лучших» блюд. Я знал одного человека, который защищался от сильного искушения гордыни еще более сильным пристрастием к селедке с луком.

А теперь придется подумать, как исправить положение с твоим подшефным. Самое важное — много ли он думает о покаянии и не претворяет ли он его в действие? Пусть эта свинка повалится в своем раскаянии. Если у него есть к тому склонность, пусть напишет о нем книгу. Это прекрасный способ обезвредить то, что Враг посеял в сердце человека. Пусть он займется чем угодно, кроме активного действия. Ни воображаемая набожность, ни душевный подъем не повредят нам, если мы помешаем им укрепиться в человеческой воле. Как сказал один из людей, активные привычки повторение укрепляет, а пассивные ослабляет. Чем чаще он погружен в чувства, не связанные с действием, тем меньше он способен к действию и в конечном итоге тем меньше он способен к чувству.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Особенно тревожит меня в твоём докладе то, что подопечный больше не принимает тех самонадеянных решений, которые сопровождали его первоначальное обращение. Он не обещает неуклонной добродетели, он даже не ожидает благодати на всю жизнь — он только надеется всякий день и час получать поддержку своим скромным силам, чтобы их хватило на борьбу с искушениями. А это очень плохо!

Сейчас я вижу только одно направление действий. Твой подопечный приобрел смирение — заметил ли ты это? Все добродетели для нас менее страшны, чем добродетель смирения, особенно когда человек не осознает ее в себе. Поймай его в тот момент, когда он забыл о

духовной бдительности, подсунь ему приятную мысль: «А ведь я становлюсь смиренным». Если он очнется, увидит опасность и постарается заглушить новый вид гордыни, заставь его возгордиться этим старанием, и так далее. Но не занимайся этим слишком долго, ибо есть опасность, что ты пробудишь чувство юмора и здравомыслие. Тогда он просто высмеет тебя и пойдет спать.

Но есть и другие эффективные возможности сосредоточить его внимание на этой гнусной добродетели. Смирением, как и любыми другими добродетелями, наш Враг хочет отвлечь внимание человека от самого себя и направить на Него и на ближних. Всякий отказ от самого себя и самоуничужение существуют, в конце концов, именно для этого: пока они не служат этой цели, от них мало вреда. Они даже могут быть нам полезны, если из-за них человек интересуется преимущественно собой. Кроме того, самоуничужение можно использовать как исходную точку для презрения к другим, для угрюмости, цинизма и жестокости. Поэтому ты должен скрыть от пациента истинную цель смирения. Пусть он под смирением подразумевает особое (а именно плохое) мнение о своих способностях и своем характере. Не сомневаюсь, что определенные способности у него действительно есть. Укрепи его в мысли, что смирение состоит в том, чтобы ставить эти способности как можно ниже. Конечно, они и в самом деле менее ценны, чем он думает. Но не в этом дело. Самое главное — чтобы он ценил свое мнение больше, чем истинность, и вносил тем самым хоть крупицу нечестности и надуманной веры в самый центр того, что в ином случае угрожает стать добродетелью. При помощи этого метода мы заставили тысячи людей думать, что для красивой женщины смиренно считать себя уродом, для умного мужчины — считать себя дураком. А поскольку то, во что они старались верить, — явная ерунда, им эта вера не дается, и мы можем до бесконечности вращать их мысли вокруг них самих, ибо они стараются достичь невозможного.

Чтобы предупредить выпады Врага, мы должны знать Его цели. Враг хочет привести человека в такое состояние, когда он мог бы спроектировать лучший в мире собор, знать, что этот собор хорош, и радоваться тому, но не больше и не меньше, чем если бы его спроектировал кто-нибудь другой. В сущности, Враг хочет, чтобы человек был совершенно свободен от предубеждений в свою пользу и мог радоваться своим способностям так же искренне и благодарно, как и способностям ближнего, восходу солнца, слону или водопаду. Он хочет, чтобы каждый человек в мире увидел, что все существа (в том числе и он сам) великолепны и прекрасны. Он хочет по возможности скорее разрушить в человеке животное самообожание, но, боюсь, конечная Его цель — в том, чтобы восстановить в нем благожелательность и милосердие ко всякому творению, включая себя самого. Когда он действительно научится любить ближнего, как самого себя, ему будет дано любить себя, как ближнего. Мы никогда не должны забывать самую отталкивающую и необъяснимую черту нашего Врага: Он действительно любит этих безволосых двуногих, которых Он создал, и правая рука Его всегда возвращает им то, что отнимает левая.

Поэтому Он будет всячески стараться, чтобы твой подопечный вообще перестал думать о том, какая ему цена. Он не рад, если люди считают себя скверными. В ответ на твои старания подсунуть ему тщеславие или ложную скромность Он напомнит, что от человека вообще не требуется никакого мнения о своем таланте, так как он прекрасно может им пользоваться, не решая точно, какая же из ниш в храме славы предназначена для него. Ты во что бы то ни стало должен исключить эту Вражью мысль из сознания пациента. Кроме того. Враг будет убеждать еще в одной истине, которую они все признают, но которую им трудно почувствовать: что они не создали самих себя, что все их способности дарованы Им и гордиться талантами так же глупо, как гордиться цветом волос. Враг всегда старается отвлечь человека от такой гордости, а ты должен фиксировать на ней его внимание. Враг даже не хочет, чтобы они сверх меры копались в своих грехах — чем скорее человек после покаяния займется делом, тем Врагу лучше.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Конечно, я обратил внимание на то, что у людей сейчас временное затишье в их европейской войне, которую они по-детски наивно именуют Великой. Я не удивлен и соответствующим затишьем у твоего пациента. Что нам полезней: поддержать в нем это или держать его в беспокойстве? И мучительный страх, и глупая самонадеянность для нас хороши. Необходимость же выбора между ними поднимает важные вопросы.

Люди живут во времени, но наш Враг предназначил их для вечности. Поэтому Он, как мне думается, хочет, чтобы они сосредоточили свое духовное внимание и на вечности, и на той точке времени, которую они называют настоящим. Ведь настоящее — это та точка, в которой время касается вечности. В данном мгновении и только в нем людям открывается столько же, сколько Врагу нашему открыто во всей реальности. Только в данном мгновении людям предложена свобода. Поэтому Враг хочет, чтобы они были постоянно сосредоточены либо на вечности (то есть на Нем), либо на настоящем (размышляли бы о вечном союзе с Ним или о том, что Он их покинул, следовали бы голосу совести, несли нынешний крест, принимали нынешнюю благодать, благодарили за нынешние радости).

Наше дело — отвратить их от вечности и от настоящего. Имея это в виду, мы иногда искушаем человека (скажем, вдову или жену ученого) жизнью в прошлом. Но этот метод имеет ограниченную ценность, ибо люди все-таки кое-что о прошлом знают: в этом отношении прошлое походит на вечность. Гораздо лучше, чтобы они жили в будущем. Биологические инстинкты направляют все их страсти именно в эту сторону, так что мысли о будущем распалывают и надежду и страх. Кроме того, будущее им неизвестно, и, побуждая думать о нем, мы возбуждаем их тягу к нереальному. Словом, меньше всего напоминает вечность именно будущее. Это самая эфемерная часть времени, ибо прошлое застыло и не течет потоком, а настоящее всецело освещено лучами вечности. Вот почему мы всегда поддерживаем все эти схемы мышления, вроде Творческой Эволюции или Научного Гуманизма, фиксирующие внимание на будущем, то есть на том, что по сути своей временно. Вот почему почти все пороки укоренены в будущем, а благодарность обращена к прошлому, в то время как любовь — к настоящему. Страх, жадность, похоть, честолюбие обращены вперед. Не думай, что, как только в похоти наступает удовольствие, грех (единственное, что нас интересует) уже позади. Удовольствие как раз та часть процесса, которая нас раздражает, мы охотно свели бы ее на нет, если бы не лишились при этом и греха. Удовольствие испытывают с Вражьей помощью и потому переживают в настоящем. Грех, возникающий с нашей помощью, устремлен в будущее.

Конечно, и для Врага важно, чтобы человек думал о будущем. Думал ровно столько, сколько необходимо, чтобы сегодня готовиться к тем делам правды и милосердия, которые станут насущными завтра. Работу завтрашнего дня надо планировать сегодня, и, хотя содержание ее взято из будущего, эта обязанность, как и все обязанности, принадлежит настоящему. Враг не хочет, чтобы люди отдавали будущему сердца, устремляли к нему все свои помыслы. Мы же хотим. Вражий идеал — человек, который, отработав день на благо будущих поколений (если в этом его призвание), вечером откладывает всяческое попечение, целиком вверяясь небу, и остается лишь при терпении и благодарности, которые требуются от него здесь и сейчас. Нам же нужен человек, терзаемый кошмарами будущего, гонимый идеями близящегося рая или ада на земле, готовый преступить заповеди Врага сейчас, если мы внушим ему, что этим он приблизит или отвратит то, чего ему даже не доведется увидеть при жизни. Нам хотелось бы, чтобы род людской непрестанно и в страшных муках пытался ухватить руками разум, чтобы род этот никогда не был честен, добр и счастлив и все, даруемое ему в настоящем, нес на алтарь будущих времен.

Отсюда следует, что твоему подопечному полезней тревоги или надежды (что именно — неважно) по отношению к нынешней войне, чем жизнь в настоящем. Однако выражение это двусмысленно. Жизнь в настоящем можно назвать и шутку, столь же привязанную к будущему, как и сама тревога. Твой подопечный может не беспокоиться о будущем не потому, что занят настоящим, а потому, что он внушил себе розовые надежды. Пока это порождает его спокойствие, это нам благоприятствует, ибо, когда ложные надежды рухнут, тем больше будет разочарования и злобы. С другой стороны, если он поймет, что и ему, возможно, уготованы

тяжкие испытания, и будет молиться, чтобы ему ниспослали сил свыше, а сам целиком останется в настоящем, потому что там и только там его долг, милосердие, знание, да и радость, — состояние его крайне нежелательно и нужна немедленная атака. Попробуй припугнуть его словом «благодущие», здесь наш филологический отдел хорошо потрудились. Но конечно, вероятнее всего, что он «живет в настоящем» по той простой причине, что у него хорошее здоровье и он любит свою работу. В таком случае это просто естественное состояние. Однако, будь я на твоём месте, я бы такого не потерпел. Ничто естественное не идет нам на пользу. Да и с какой стати этим созданиям быть счастливыми!

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

В прошлом письме ты мельком упомянул, что твой подшефный все ходит в одну и ту же церковь и что он не совсем ею доволен. О чем, спрашивается, ты думаешь? Почему до сих пор нет донесений о причинах его постоянства? Если он так упорен не от безразличия, дела наши плохи, понимаешь ты это или нет?

Конечно, тебе известно, если человека нельзя вылечить от посещения церкви, самое лучшее — отправить его на долгие поиски церкви, для него «подходящей». Пусть побродит до тех пор, пока не станет ценителем и знатоком церквей.

Причины такой нашей деятельности очевидны. Во-первых, на объединение прихожан следует нападать, так как объединяются они по месту жительства, а не по сходству, а это приводит людей разных классов и психологий к тому единению, которого хочет Враг. Конгрегационный же принцип может каждую церковь запросто превратить в некий клуб, а если все сложится удачно, — в кружок или фракцию. Во-вторых, поиски подходящей церкви склоняют человека к критике там, где Враг хочет видеть его Своим учеником. Врагу желательно, чтобы мирянин в церкви был действительно критичен, то есть не принимал ложного и бесполезного, и при этом совершенно не критичен — не судил и не рядил, а доверялся немудрствующему, смиренному приятию того животворящего начала, которое несет ему церковь. (Ты видишь, как Он унизительно бездуховен и безнадежно вульгарен?) Приводит это к тому, что простейшие слова очень многое могут сказать человеку и его душе (что прямо противоречит нашей политике). Любая проповедь или книга, воспринимаемые человеком с таких позиций, для нас очень опасны. Так что возмись за дело поэнергичнее и как можно скорее пошли этого дурака по ближайшим церквам. Твое последнее донесение никак нельзя признать удовлетворительным.

Воспользовавшись нашей служебной картотекой, я присмотрел для него две соседние церкви. У каждой свои особенности. В одной из них священник так долго и старательно разбавлял веру водой, чтобы сделать ее более доступной для скептического и трезвомыслящего прихода, что теперь он шокирует прихожан неверием, а не они его. Во многих душах он успел подорвать веру. Восхитителен и его метод служения. Чтобы избавить мирян от «трудностей», он многое вычеркнул и теперь, сам того не замечая, все крутится и крутится по малому кругу своих любимых пятнадцати песнопений и двадцати чтений, а мы можем не бояться, что какая-нибудь истина, доселе незаметная ему и его приходу, дойдет до них через Писание. Но, возможно, твой пациент недостаточно глуп для этой церкви или пока еще недостаточно глуп.

Во второй церкви служит отец Игл. Людям трудно понять широту его взглядов: в один день он почти коммунист, в другой — недалеко от какого-то теократического фашизма: в один день он тяготеет к схоластике, но в другой вообще готов отрицать человеческий разум; в один день занят политикой, в другой — заявляет, что все государства мира сего «уже осуждены». Мы, конечно, видим нить, связующую все это воедино: ненависть. Этот человек может проповедовать лишь то, что шокирует, огорчит, озадачит или унизит его родных и друзей. Проповедь, приемлемая для них, была бы для него такой же пресной, как поэма, которую можно читать вслух. Кроме того, у него есть многообещающая черта — нечестность. Мы побуждаем его говорить: «Церковь учит, что...», когда в действительности он подразумевает:

«Я почти уверен, что недавно прочел это у Маритена „или еще у кого-то“. Но должен предупредить тебя об одном его совершенно фатальном дефекте: он верит. А это может все испортить. Однако у обеих этих церквей есть одна общая хорошая черта — он и тяготеют к группировкам. Я, кажется, уже предупреждал тебя, что, если твоего подопечного не удастся удержать вне церкви, его надо активно привлечь к какой-нибудь группировке вокруг нее. Я не имею сейчас в виду различий в вероучении — в этом плане чем он теплотеплее, тем лучше. Творя зло, мы вовсе не намерены опираться на их догматы. Самая же потеха возникает, когда удастся возбудить ненависть между теми, кто говорит „месса“, и теми, кто говорит „служба“, в то самое время как ни одна сторона, ни другая, вероятно, не способна установить разницу между учениями Хукера и Фомы Аквината так, чтобы объяснения вытерпели хотя бы пятиминутную критику. Все несущественные детали — свечи, облачение клира и прочее — прекрасная почва для такой деятельности. Мы уже порядком выветрились из сознания то, чему учил этот невыносимый Павел, толкуя о пище и других пустяках, а именно: человек нещепетильный должен уступать человеку щепетильному. Ты думаешь, люди понимают, как применять это в жизни? Казалось бы, один преклонит колени и перекрестится, дабы не смутить своего брата, а другой воздержится от этих знаков благочестия, дабы не склонить брата к идолопоклонству. Так оно и было бы, если бы не наша неустанная работа. Без нее разница в обычаях английских церквей стала бы, чего доброго, причиной и рассадником милосердия и смирения.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Тот пренебрежительный тон, с которым ты говорил об обжорстве как способе ловли душ, обнаруживает лишь твое невежество. Одно из величайших достижений последнего столетия — то, что люди перестали об этом думать. Во всей Европе ты вряд ли найдешь хоть одно место, где произносили бы проповеди на эту тему, или человека, чья совесть бы этим мучилась. В значительной степени мы достигли этого, сосредоточив свои усилия на чревоугодии излишества. Насколько мне известно из наших протоколов (а тебе, надеюсь, от Лизоблюда), мать твоего пациента — прекрасный тому пример. Она удивилась бы (я рассчитываю, что однажды она и впрямь удивится), если бы узнала, что вся ее жизнь порабощена этой разновидностью чувственности, а скрыто это от нее потому, что ест она мало. Но какое нам дело до количества, если можно использовать человеческий желудок и вкус для развития недовольства, нетерпимости, немилосердия и эгоизма!

Эта дама в надежных руках. Для официантов и гостеприимных хозяев она — сущий ужас. Она всегда отказывается от того, что ей предлагают, и говорит с легким вздохом и полуулыбкой: «Ах что вы, мне ничего не надо, кроме чашечки чая, не крепкого, но и не слишком жидкого, и малюсенького хрустящего сухарика...» Ясна тебе суть? Ей хочется съесть меньше и стоит это дешевле, чем то, что ей предлагают, и потому она никогда не воспринимает как чревоугодие свою настойчивость, сколько бы хлопот ни доставила она другим. Балую свой аппетит, она уверена, что упражняется в умеренности. В переполненном ресторане она вскрикивает при виде блюда, которое ставит перед ней усталая официантка, и говорит: «Ах, зачем мне столько! Уберите это и принесите примерно четверть...» Если бы ее спросили, она бы сказала, что поступает так из бережливости. А в действительности она это делает потому, что та особая утонченность, которой мы ее поработили, раздражается, если видит больше еды, чем ей в данный момент хочется.

Подлинное значение спокойной, скромной работы, которую годами проводил Лизоблюд, можно оценить по тому, в какой степени ее желудок сейчас господствует над всей ее жизнью. Пациентка в том состоянии, которое мы назовем «мне бы только хотелось». Ей бы только хотелось как следует заваренный чай, или как следует сваренное яйцо, или кусочек как следует поджаренного хлеба. Но она никогда не находила ни прислугу, ни друзей, которые могли бы сделать эти простые блюда «как следует», ибо за ее «как следует» открывается ненасытное

требование точных и почти неосуществимых вкусовых удовольствий, которые, как ей кажется, она испытала в прошлом. Это прошлое она описывает как времена, «когда еще можно было найти хорошую прислугу», но мы-то знаем, что тогда ее вкусы просто было легче удовлетворить и она предавалась иным уладам, ставившим ее в меньшую зависимость от обеденного стола. Тем временем ежедневное разочарование приводит к ежедневному растущему раздражению, кухарки отказываются от места, дружеские чувства охлаждаются.

Если Враг когда-нибудь и заронит в ней смутное подозрение, что она слишком интересуется едой, Лизоблюд парирует это, внушая, что ей безразлично, что она сама ест, но ей нужно, чтобы «мальчик мог полакомиться». В действительности ее жадность была главной причиной его неприязни к дому в течение многих лет.

Однако наш подопечный — сын своей матери. И ты, упорно работая на других фронтах, не должен пренебрегать чревоугодием. Поскольку он мужчина, его вряд ли можно поймать на крючок «мне бы только хотелось». Мужчин лучше всего искушать с помощью их тщеславия. Пусть считают себя большими знатоками еды и гордятся тем, что им удалось найти единственный в городе ресторан, где жаркое умеют приготовить «как следует». То, что начинается с тщеславия, легко превратить в привычку. Но как бы ты ни взялся за дело, самое главное — привести его в такое состояние, когда неудовлетворенная тяга, неважно — к шампанскому или к чаю, к рыбному деликатесу или к сигарете, — «выводит из себя». Тогда его милосердие, справедливость и послушание будут всецело в твоей власти.

Простое излишество в еде менее ценно, чем утонченность. Ее главная польза в том, что это — как бы артподготовка к атаке на воздержание. Здесь, как и во всех других случаях, нужно держать человека в состоянии ложной духовности. Никогда не позволяй ему вспоминать о медицинской стороне питания. Пусть недоумевает, что же, гордость или недостаток веры, предали его в твои руки, в то время, как простой обзор всего, что он ел или пил за последние сутки, показал бы ему правду и дал возможность простым воздержанием защититься от тебя. Если ему так уж необходимо думать о медицинской стороне дела, напитай его той великой ложью, в которую мы заставили уверовать англичан, а именно, что физические упражнения и сменяющая их усталость особенно благоприятствуют добродетели воздержания. Как они могут верить в это при широко известной похотливости моряков и солдат, я ума не приложу! Чтобы распространить эту версию, мы использовали школьных учителей, которые заинтересованы в том, чтобы оправдать игру, и они рекомендовали игры для воспитания целомудрия. Однако это слишком серьезный вопрос, чтобы заниматься им к концу письма.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Даже при Гаде ты должен был изучать основы техники сексуальных искушений, и, поскольку для нас, духов, это жуткая скучища (хотя и совершенно обязательная), я пропускаю их здесь. Что же касается более глубоких проблем, связанных с полом, я думаю, есть многое, чему и ты мог бы поучиться. По воле Врага люди стоят перед дилеммой: либо полное воздержание, либо единобрачие без послаблений. Но уже со времен первой великой победы нашего отца мы сделали воздержание исключительно трудным для них. Единобрачие же за последние века мы старались увести от пути к спасению. Делали мы это с помощью поэтов и писателей, уверяя людей, что то особое и обычно кратковременное переживание, которое они называют «влюбленностью», — единственно достойное основание брака, что брак может и должен сделать это переживание постоянным и, наконец, что брак, не оправдывающий таких ожиданий, теряет свой смысл. Эта идея пародирует идею Врага. Вся философия ада зиждется на аксиоме: или одно, или другое. Мое принадлежит мне, твое — тебе. То, что од ин приобрел, другой потерял. Даже материальный объект исключает все остальные возможные объекты из пространства, им занимаемого. Если он увеличится в размере, он отодвинет другие предметы в стороны или поглотит их. Всякая самость действует точно так же. Животные поглощают, поедая. У нас сильный поглощает волю и свободу слабого. «Существовать» — значит

«соревноваться».

Враг непрестанно пытается обойти эту очевидную истину. Философия Его зиждется на противоречиях. Мир должен быть многообразен и в то же время един. Достояние одного должно быть достоянием другого. Вот эту чепуху Он и зовет любовью. Можно обнаружить это во всем, что Он творит, и даже во всем, в чем Он проявляется (или утверждает, что проявляется). Так, Ему мало быть простой арифметической единицей. Он, видите ли, одновременно Троичен и Един. Говорит Он так для того, чтобы вся эта чушь о любви могла найти основание в Его собственной природе. А с другой стороны, Он вводит такое бессовестное изобретение, как организм, в котором все части отвращены от своего естественного назначения — соревноваться — и приведены к согласию.

Истинная причина того, что Он использовал половое различие как способ размножения, совершенно ясна. Смотри, какую пользу Он из этого извлек. Половое различие, с нашей точки зрения, могло бы стать вполне невинным. Оно было бы просто разновидностью мучений слабого за счет сильного, что и происходит с пауками, у которых в завершение брачной близости невеста съедает жениха. Но у людей по милости Врага половое влечение соединено с взаимной привязанностью. Кроме того, Он установил зависимость детей от родителей и побудил родителей заботиться о детях, создав, таким образом, семью, которая напоминает организм, только похуже, ибо здесь члены еще независимей, а связанность их более сознательна и ответственна. В конце концов, это — еще одно изобретение, вовлекающее людей в любовь.

А теперь самое смешное. Враг назвал супругов «единой плотью». Он не сказал «счастливая супружеская пара» или «пара, женившаяся по любви». Ты же можешь сделать так, чтобы люди этого и не поняли. Кроме того, пусть они забудут, что все тот же Павел применял это и к неженатым парам. По его словам, совокупление как таковое делает людей «единой плотью». Надо, чтобы люди считали восторгами «влюбленности» то, что на самом деле — просто половое влечение. Воистину, когда бы мужчине ни случилось соединиться с женщиной, хочет он того или нет, между ними устанавливается некое запредельное отношение, которое вовеки будет им в муку или в радость. Исходя из того, что это отношение предназначено к созданию привязанности и семьи (а если в него полностью погружаются, так оно и бывает), людям можно внушить ложную веру, что только та смесь боязни и влечения, которую они называют «влюбленностью», создает святость или счастье брака. Эту ошибку совершить легко, ибо «влюбленность» в Западной Европе предшествует бракам, заключенным в послушание Вражьей воле, то есть тем, где предполагаются верность, снисходительность друг к другу и плодовитость. В от тебе аналогия: и религиозная эмоциональность порой сопутствует обращению к вере. Пусть люди считают основой брака приукрашенный вариант того, что Враг обещает лишь как его результат. Отсюда вытекают сразу две недурные возможности. Во-первых, людей, не обладающих даром воздержания, можно удерживать от брака, ибо они не «влюблены» — благодаря нам мысль о браке «не по любви» покажется им низкой или циничной. Да, да, они так и думают. Они считают, что намерение вступить в брак для взаимной помощи, охраны целомудрия и продолжения рода ниже, чем случайная буря чувств. (Не пренебрегай возможностью, заставь своего пациента считать чин венчания весьма несовершенным.) Во-вторых, всякое сексуальное влечение, стремящееся к браку, будет считаться «любовью», а любовь подобного рода извинит любой грех и, вполне возможно, спровоцирует женитьбу па женщине совершенно мирской, глупой или развратной. Но подробнее об этом в следующем письме.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Я много думал над вопросом, который ты задал в последнем письме. Как я уже разъяснял, все индивидуумы по самой своей природе находятся в конкуренции друг с другом и, следовательно, Вражья идея любви содержит противоречие: почему же я снова говорю о том,

что Он действительно любит этих двуногих насекомых и действительно желает им свободы и вечной жизни? Я надеюсь, мой милый мальчик, что ты никому не показывал моих писем. Конечно, для меня это не имеет никакого значения. Каждый понял бы, что те ереси, в которые я впал, совершенно случайны. Кстати, надеюсь, ты понял, что мои нелестные слова о Гаде — просто шутка. Я его глубоко уважаю. И конечно, я в шутку сказал, что не собираюсь защищать тебя перед властями. Ты можешь положиться на то, что я буду блюсти твои интересы. Однако все мои письма непременно держи под замком.

Я по чистой небрежности сказал, что Враг любит людей. Разумеется, это невозможно, ведь они совершенно отличны от Него. То, что хорошо для них, для Него нехорошо. Все эти разговоры о любви, должно быть, прикрывают что-то иное. Неспроста же Он создал их и столько с ними возится. Иногда, случайно, скажешь, что Он любит их этой невозможной любовью, потому что нам никак не понять, в чем здесь загадка. Что Он собирается делать с ними? Неразрешимая проблема! Думаю, я вправе сказать тебе, что именно по этой причине отец наш поссорился с Врагом. Когда впервые поставили вопрос о сотворении человека и Враг открыл, что предвидит некое происшествие с Крестом, отец наш, естественно, стал добиваться разъяснений. Враг не дал ему никакого ответа, кроме этой невероятной истории, которую Он с тех пор и распространяет. Естественно, отец наш ей не поверил. Он умолял Врага выложить карты на стол, просил его и молил, но Враг ответил: «От всего сердца Я желал бы, чтобы ты узнал». Мне кажется, именно тогда отец наш возмутился незаслуженным недоверием, и это побудило его удалиться так далеко и так внезапно, что возникла версия о его изгнании с Небес. С тех пор мы начали понимать, почему наш Враг развел такую таинственность. На ней зиждется Его власть. Его приверженцы часто сознавались в том, что, если бы мы смогли понять Его любовь, война закончилась бы и мы бы вернулись на Небеса. Перед нами великая задача. Мы знаем, что Он не может действовать по любви, никто этого не может, ибо это бессмысленно. Если бы мы только обнаружили, чего Он хочет! Мы проверяли гипотезу за гипотезой и все еще ничего не добились. Однако мы не должны терять надежды. Все сложнее теоремы, все полнее сведения, все выше награды исследователям и больше их успехи, все страшнее наказания для тех, кто терпит неудачу. Если действовать так до скончания века, быстрее и быстрее, неудачи быть не может.

Ты жалуешься, что из моего последнего письма неясно, считаю ли я «влюбленность» желательной? Ну, Гнусик, такого вопроса можно ожидать только от «них»! Оставь им обсуждать, добро или зло, любовь, патриотизм, целибат, церковные обряды, отказ от алкоголя, высшее образование. Неужели тебе не ясно, что ответа нет? Ничто не имеет никакого значения, кроме состояния души: устремляется ли подопечный к Врагу или к нам. Однако было бы неплохо, если бы пациент стал гадать, добро или зло его «любовь». Если он надменный человек, презирающий все телесное из чистоплюйства, ошибочнее принимаемого за чистоту, или если ему приятно насмеяться над тем, что одобряет большинство его друзей, — непременно заставь его отрицать любовь! Укрепи в нем высокомерный аскетизм, а потом, когда отделишь его собственную похоть от всякой человечности, навяжи эту похоть снова, но уже в какой-нибудь жестокой, циничной форме. Если же он, напротив, человек эмоциональный и легкомысленный, питай его скверненькими поэтами и третьесортными романистами старой доброй школы, пока он не поверит, что «любовь» неотвратима и каким-то непостижимым образом благодетельна. Такая позиция, уверяю тебя, не так уж сильно побуждает к случайным связям, но она незаменима для продолжительных связей, «благородных», романтических и трагичных, завершающихся, если все идет благополучно, убийством или самоубийством. Если это не удастся, попробуй натолкнуть подопечного на полезный брак, ибо брак, Вражье изобретение, может принести пользу и нам. В окружении пациента наверняка есть несколько женщин, которые чрезвычайно затруднили бы его христианскую жизнь, если бы ты убедил его жениться на одной из них. Пожалуйста, доложи мне об этом в следующем письме. А пока помни, что даже «влюбленность» саму по себе нельзя считать полезной и благоприятной для нас или для Вражеской стороны. Это просто состояние, которым дано воспользоваться и нам, и им. Как и многое другое, сильно волнующее людей, — здоровье и болезнь, молодость и старость, война и мир, — влюбленность с духовной точки зрения главным образом — сырье.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

С большим неудовольствием отмечаю, что Враг решительно положил конец твоим прямым атакам на целомудрие пациента.

Тебе следовало бы это предвидеть и остановиться пораньше. В настоящий же момент пациент открыл опасную истину: он знает, что такие нападения не длятся вечно. Именно поэтому ты и не можешь вновь воспользоваться нашим самым лучшим и испытанным оружием — убеждением невежественных людей, что от нас не избавишься, пока нам не сдашься. Надеюсь, ты пытался убедить его, что целомудрие вредно для здоровья?

Я все еще не получил донесения о женщинах его круга. Хотел бы получить его поскорее. Если мы не в силах использовать его половую энергию для воспитания развратности, хотя бы используем ее для подходящего брака. А пока я хотел бы дать тебе несколько советов о том, в каких именно женщин (я гонорю о физическом типе) ему следует влюбляться, если уж лучше «влюбленности» мы ничего не придумаем.

В основных чертах этот вопрос, разумеется, разработан для нас более низкопоставленными сотрудниками преисподней, чем ты и я. Эти великие мастера неустанно извращают то, что можно назвать эротическим вкусом. Делают они это посредством узкого круга популярных актеров, актрис, портных, рекламных агентов, определяющих, какой тип в моде. А цель их деятельности в том, чтобы отдалить представителей одного пола от тех представителей другого пола, брак с которыми, вероятно, был бы верным, счастливым и плодоносным. Так, мы уже много столетий торжествуем над природой до такой степени, что некоторые второстепенные черты мужчин (к примеру, бороды) неприятны почти для всех женщин, и это, в свою очередь, приносит больше пользы, чем тебе кажется. Что же касается мужского вкуса, его мы меняли много раз. Одно время мы его направляли на величавый и аристократический тип красоты, смешивая тщеславие мужчин с их похотью и побуждая род человеческий размножаться главным образом через самых высокомерных и расточительных женщин. Потом мы культивировали чрезмерно женственный тип, слабый и чахлый, так что глупость, трусость и фальшь с духовной скудостью, сопутствующей им, стали чуть ли не положительными качествами. Сейчас у нас совсем иная задача. Время джаза сменило время вальса, и теперь мы учим мужчин любить женщин, которых с трудом отличишь от мальчишек. Поскольку этот тип красоты быстротечнее остальных, мы обострим хронический ужас женщин перед старостью, добьемся многих прекрасных результатов и снизим тягу и способность к деторождению. Это не все. Благодаря нам общество допускает все большую вольность обнажения (но не подлинной обнаженности) в живописи, на сцене, на пляже. Все это, конечно, подделка: тела на наших прославленных картинах искажены, женщины в купальных костюмах сжаты и затянuty, чтобы казаться стройнее и тоньше, чем допускает природа женской зрелости. Однако современный мир искренне убежден, что он все «откровенней», все «здоровей» и возвращается к природе. В результате мы все сильнее и сильнее направляем похоть мужчин на мнимости, увеличивая роль глаза в сексуальной области и делая мужские претензии все более мнимыми. Последствия ты и сам можешь себе представить.

Это — общая стратегия. Действуя в ее рамках, ты всегда сможешь направлять желание твоего подопечного в одном из двух направлений. Если ты осторожно всмотришься в сердце любого мужчины, ты увидишь, что его притягивают по самой крайней мере две вымышленные женщины — Венера земная и Венера бесовская — и влечение его к ним качественно различно.

К первому из типов он испытывает желание, естественно согласующееся с волей Врага. Оно сочетается с милосердием, готовностью к послушанию и вообще сияет тем светом уважения и естественности, который нам так противен. Ко второму он испытывает грубое влечение. Этот тип лучше всего использовать для того, чтобы совсем отвлечь его от брака. Но даже в браке с такой женщиной он будет обходиться как с рабыней, идолом или преступной соучастницей. Любовь к женщине первого типа иногда содержит то, что Враг называет злом, но

только случайно. Например, мужчине не хочется, чтобы она была женой другого, и он глубоко сожалеет, если не может любить ее законно, но в отношении к женщине второго типа зло в том, чего он хочет, в «особом аромате», за которым он гоняется. На самом же деле аромат ее лица — в явной чувственности, хмурости, хитрости или жестокости. А аромат ее тела в достаточной степени явно далек от того, что данный мужчина называет красотой. Скорее, по здравом размышлении, он описал бы его как уродство, но благодаря нашему искусству такой аромат легко сыграет на нервах его чувственной одержимости.

Подлинную пытку бесовская Венера приносит, конечно, как любовница. Но если пациент — христианин, то, если как следует нашипиговать его всей этой чепухой про «неотвратимую и всепрощающую» любовь, его можно женить на ней. А это — дело стоящее. Ты потерпел неудачу по части блуда и по части одинокого самоудовлетворения, но есть другие, косвенные методы, позволяющие использовать человеческую похоть на его погибель. Между прочим, они не только эффективны, но и восхитительно милы, так как несчастье, вызванное ими, очень приятно и изысканно.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Да, период эротических искушений — прекрасное время, чтобы напасть заодно и на раздражительность подопечного. Можно даже направить главный удар именно туда, если пациент думает, что это — всего лишь «заодно». Но в это время, как и во всякое иное, дорогу для нападения нужно готовить, затемняя при этом разум.

Люди гnevаются не от простой неудачи, а от неудачи, воспринятой как несправедливость. Чувство же несправедливости основывается на представлении, что их законные требования не удовлетворены. Чем больше требований к жизни предъявит подопечный (под твоим руководством), тем больше он будет ощущать несправедливость и тем чаще он будет в плохом настроении. Ты, может быть, обратил внимание на то, что он особенно сердится, когда время, предназначенное им для собственных потребностей, у него отнимают. Неожиданный посетитель, явившийся как раз тогда, когда он надеялся спокойно провести вечер, или жена друга, болтающая, когда он собирался поговорить с ее мужем, выведут его из равновесия. Пока что он не успел стать достаточно злым или ленивым, чтобы ненавидеть эти маленькие требования гостеприимства сами по себе. Они раздражают его, потому что он считает время своей собственностью, и ему кажется, что его обкрадывают. Ты должен ревностно охранять это странное предположение: «Мое время — мое!» Пусть ему кажется, что он начинает каждый день как законный владелец двадцати четырех часов. Пусть ему представляется тяжелым налогом та часть этой собственности, которую он оставляет на работе, и щедрым пожертвованием — та, которую он отводит на религию. И никогда не позволяй ему усомниться в том, что совокупность времени каким-то таинственным образом принадлежит ему сызмальства.

Здесь перед тобой щекотливая задача. Тебе надо, чтобы он держался идеи, столь нелепой, что даже мы не сумели ее оправдать. Твой подопечный не может ни создать, ни удержать ни мгновения времени, оно дается ему даром; с таким же успехом он вправе считать своими солнце и луну. Кроме того, теоретически он готов всецело служить Врагу, и, если бы Враг лично предстал перед ним и хотя бы на один день потребовал от него такого служения, он бы, разумеется, не отказался. Для него не было бы бременем, если бы главная тягота этого дня состояла в слушании разговоров какой-нибудь глупой женщины. И для него необременительно до разочарования, если бы Враг дал ему полчаса, сказав: «А сейчас иди и делай что хочешь». Задумайся он хоть на мгновение над своей собственной идеей времени, даже он смог бы понять, что он каждый день именно в такой ситуации. Когда я советую тебе лелеять в нем эту идею, это никак не значит, что надо давать ему какой-нибудь убедительный аргумент. Таких аргументов нет. Твоя задача — вроде цензуры. Не разрешай его мыслям касаться этого вопроса. Окружи его мраком, и пусть среди мрака покоится молчаливое, неисследованное и

сильное чувство: «Мое время — мое!»

Вообще, чувство собственности всегда следует поощрять. Люди вечно заявляют о своем праве собственности, что звучит одинаково смешно как на небесах, так и в аду. Мы же должны их в этом поддерживать. Основная причина современного вызова целомудрию в представлении людей, что они «собственники» своих тел, этих глубоких и опасных владений, где пульсирует энергия, создавшая миры, куда они помещены без их согласия, откуда их можно извлечь по Вражьей воле. Положение такое, словно отец, из родительской любви, назвал малолетнего принца правителем какого-нибудь края, которым в действительности управляют мудрые советники, а тот вообразил, что ему на самом деле принадлежат города, леса, урожаи, как принадлежат ему кубики в детской.

Чувство собственности мы порожаем не только при помощи гордыни, но и при помощи сдвига понятий. Мы учим не замечать разного значения притяжательных местоимений — той отчетливой градации, которую нетрудно увидеть, сопоставив выражения «мои сапоги», «моя собака», «моя горничная», «моя жена», «мой начальник» и «мой Бог». Мы учим сводить эти значения к тому, которое присутствует в выражении «мои сапоги». Даже ребенка можно приучить, чтобы он говорил «мой медвежонок» не в смысле «старый, любимый и живой, с которым у меня совершенно особые отношения» (ибо это именно то, чему учит их Враг, если мы не будем бдительны), а «тот, которого я могу разорвать в клочья, если захочу». Что же касается другого конца шкалы, мы приучаем людей говорить «мой Бог» в смысле, не совсем отличающемся от «мои сапоги», то есть имея в виду «Бога, к Которому я взываю на богослужениях» или «у Которого я так хорошо устроился».

А смешнее всего, что «мое» в полном смысле слова человек не может сказать ни о чем! В конце концов отец наш или Враг скажут «мое» обо всем существующем, в особенности — о каждом человеке. Не беспокойся, они еще узнают, кому принадлежит их время, их души и тела, — уж в любом случае не им. В настоящее время Враг с присущим Ему педантизмом говорит «Мое» на том основании, что Он все сотворил. Отец наш надеется тоже в конце концов сказать «мое» обо всем, но по более реалистической причине — потому, что мы победим.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Итак, твой подопечный влюбился, причем наихудшим для нас образом, и в девушку, даже не упомянутую в списке, который ты прислал. Тебе, вероятно, интересно узнать, что маленькое недоразумение между мной и тайной полицией, которое ты старался создать по поводу некоторых неосторожных выражений в одном из моих писем, теперь позади. Если ты надеялся таким образом подсадить меня, ты просчитался. Ты заплатишься за это, как и за все остальные свои ошибки. А пока я прилагаю небольшую брошюру, только что изданную и посвященную новому исправительному дому для нерадивых искусителей. Она богато иллюстрирована, и ты не найдешь в ней ни одной скучной страницы.

Я отыскал досье этой девушки и в ужасе от того, что обнаружил. Она не просто христианка — она из самых гнусных! От— вратительная, подлая, глупо-улыбчивая, скромная, молчаливая, тихая как мышка, ничтожная как мокрая курица, девственная, истое дитя! Какая гадость! Меня просто тошнит. Ее досье читать просто противно. С ума сойти, до чего мир испортился. В прежние времена мы послали бы ее на арену, на растерзание зверям. Такие, как она, только на это и годятся. Правда, от нее и там было бы мало пользы. Она — двуличная обманщица (знаю я тихих): вид такой, будто готова упасть в обморок при виде капли крови, а умрет, гадюка, с улыбкой на губах. Да, законченная обманщица — выглядит строгой, а сама полна остроумия. Она из тех, которым даже я мог бы показаться смешным! Мерзкая, бесцветная, маленькая жеманница, а готова броситься в объятия этого болвана при первом же зове. Почему Враг не поразит ее хоть за это, если Он уж так помешан на девственности, чем смотреть и улыбаться?

В глубине души Он гедонист. Все эти посты и бдения, костры и кресты — лишь фасад.

Пена на морском берегу. А на просторе Его морей — радость и снова радость. И Он даже этого не скрывает. В Его деснице, видите ли, вечное блаженство. Тьфу! Мне кажется, тут нет и намека на ту высокую и мрачную мистерию, до которой мы восходим в Мрачном Видении. Он вульгарен, Гнусик! У Него буржуазная душа. Он заполнил весь мир, весь Свой мир Своими же радостями. Люди целый день занимаются тем, что отнюдь не вызывает у Него возражений: купаются, спят, едят, любят друг друга, играют, молятся, работают. Все это надо исказить, чтобы оно пошло на пользу нам. Мы трудимся в крайне невыгодных условиях. Ничто естественное само по себе не работает на нас. (Однако это не извиняет тебя. Я вскоре собираюсь за тебя взяться. Ты всегда ненавидел меня и дерзил когда только мог.) Потом твой подопечный, конечно, познакомится со всей семьей этой девицы и со всем ее кругом. Неужели ты не понимаешь, что даже в дом, где она живет, ему нельзя войти? Все это место пропитано жутким смрадом. Садовник и тот пропитался, хотя он там всего пять лет. Гости, приехавшие с субботы на воскресенье, уносят с собой этот запах. Кошка и собака заражены им. Этот дом хранит непроницаемую тайну. Мы уверены (иначе и быть не может), что каждый член семьи каким-то образом эксплуатирует других, но мы никак не можем разузнать, в чем там дело. Они так же ревностно, как и Сам Враг, оберегают тайну о том, что скрывается за обманом, называемым бескорыстной любовью. Весь этот дом и сад — сплошное бесстыдство. Они до тошнотворности напоминают то описание Небес, которое принадлежит перу одного из их поэтов; «Тот край, где жизнь царит и воздух дышит мелодией и тишиной».

Мелодия и тишина... До чего я их ненавижу! Как благодарны мы должны быть за то, что с тех пор, как отец наш вступил ад (а это было много раньше, чем оказалось бы по человеческим данным), ни одного мгновения ада времени не было отдано этим отвратительным силам. Все заполнено шумом — великим, действенным, громким выражением победы, жестокости и силы! Шум и только шум способен защитить нас от глупого малодушия, безнадежных угрызений совести и неисполнимых желаний. Когда-нибудь мы превратим Вселенную в один сплошной шум. На земле мы сделали большие успехи. Под конец мы заглушим все мелодии и всю тишину небес. Я полагаю, что мы еще недостаточно громки. Но наука движется вперед. Ну а ты, отвратительный, ничтожный...

(Здесь манускрипт прерывается, потом — — другой почерк.) В пылу литературного рвения я обнаружил, что нечаянно позволил себе принять форму большой сороконожки. Поэтому я диктую продолжение своему секретарю. Теперь, когда превращение совершилось, я узнаю его. Оно периодически повторяется. Слух о нем достиг людей, и искаженная версия появилась у их поэта Мильтона с нелепым добавлением, будто такие изменения облика «в наказание» наложены на нас Врагом. Более современный писатель по имени Шоу понял, в чем здесь дело: превращение происходит изнутри и его должно считать блестящим проявлением той Жизненной Силы, которой поклонялся бы отец наш, если бы он мог поклоняться чему-либо, кроме самого себя. В своем нынешнем виде я еще больше жажду увидеть тебя и обнять крепко, крепко, крепко.

Подписано: Подхалим по поручению его Преисподнего Адородия Баламута.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Мой дорогой Гнусик!

Через эту девушку и ее отвратительную семью твой подопечный каждый день знакомится со все новыми христианами, и при этом — весьма умными. Теперь будет нелегко устранить духовные интересы из его жизни. Ну ладно, постараемся их извратить. Без сомнения, ты часто превращался в ангела света на тренировках. Что ж, пришло время сделать это и перед лицом Врага. Мир и плоть обманули наши надежды. Остается третья возможность. Если она приведет к хорошим результатам, победа будет — высший сорт. Низринутый святой, фарисей, инквизитор или колдун доставляют аду больше радости, чем такие заурядности, как тиран или развратник.

Прощупав новых друзей твоего пациента, я считаю лучшим местом нападения пограничную область между богословием и политикой. Многие из его новых друзей

ответственно подходят к социальным следствиям религии. Само по себе это плохо. Но и этим можно воспользоваться на благо.

Ты обнаружишь, что многие социально-христианские писатели считают, что уже на ранней стадии развития христианство начало искажаться и отходить от доктрины Своего Спасителя. С помощью этой идеи мы снова и снова поощряем то представление об «историческом Иисусе», к которому различные ученые приходят, устраняя «позднейшие вставки и искажения», и которым затем пользуются, противопоставляя его всякому из христианских преданий. В прошлом поколении мы поддерживали концепцию «исторического Иисуса» на либеральных и гуманистических основах. Теперь мы выдвигаем нового «исторического Иисуса» по линии марксизма, мировой катастрофы и революции. У этих концепций (а мы собираемся менять их примерно каждые тридцать лет) множество достоинств. Во-первых, все они направляют благоговение человека на несуществующее, ибо каждый «исторический Иисус» неисторичен. Письменные источники говорят то, что в них сказано, и к этому ничего нельзя добавить. Поэтому после каждого «исторического Иисуса» приходится что-то вытягивать из них, преуменьшая одни стороны и преувеличивая другие, а также строя гипотезы (мы научили людей называть их «блестящими»), за которые никто не дал бы ни гроша, но которых достаточно для появления целой плеяды новых Наполеонов, Шекспиров и Свифтов в осенней рекламе любого издательства. Во-вторых, все эти концепции измеряют значение своего «исторического Иисуса» какой-нибудь специфической теорией, которую Он якобы провозгласил. Он должен быть «великим человеком» в современном смысле этих слов, то есть человеком, утверждающим что-нибудь сумасбродное, чудачком, предлагающим людям панацею. Так мы отвлекаем людей от того, кто Он и что Он сделал. Сначала мы просто превращаем Его в учителя мудрости, потом замалчиваем глубокое единство Его учения с учениями других великих учителей нравственности. Людям ни в коем случае нельзя увидеть, что все великие учителя нравственности посланы Врагом не для того, чтобы сообщить им нечто новое, а для того, чтобы напомнить, восстановить все древние банальности о добре и зле, которые мир так неутомимо отрицает. Мы создаем софистов — Он выдвигает Сократа, чтобы дать им отпор. Третья наша цель — разрушить молитвенную жизнь посредством этих концепций. Вместо подлинного присутствия Врага, обычно ощущаемого людьми в молитвах и в таинствах, мы, в виде суррогата, даем им существо вероятное, отдаленное, туманное, говорившее на странном языке и умершее очень давно. Такому существу невозможно поклоняться. Вместо Творца, перед которым склоняется Его творение, мы предлагаем тварь, вождя своих сторонников, а под конец — выдающуюся личность, которую одобряет рассудительный историк. В-четвертых, религия такого рода, помимо неисторичности своего Иисуса, искажает историю еще и в другом смысле. Всего лишь несколько человек из всех народов пришло в лагерь Врага, исследуя по правилам науки земную Его жизнь. На самом деле человечеству даже не дали материала для Его полной биографии. А первые христиане обращались под влиянием только одного исторического факта — Воскресения и одного только догмата — Искупления, который действовал на то чувство греха, которое было у них, — греха не против какого-нибудь причудливого закона, выдвинутого ради новинки каким-нибудь «великим человеком», а против старого, общеизвестного и всеобщего закона нравственности, которому их учили матери и няньки. Евангельские повествования появились поздно и были написаны не для того, чтобы обращать людей в христианство, а для того, чтобы наставлять уверовавших.

Вот почему всегда поощрай «исторического Иисуса», каким бы он ни казался нам опасным в некоторых отдельных пунктах.

Что же до связи христианства и политики, наше положение труднее. Разумеется, мы не хотим, чтобы люди разрешали своей вере проникать в их политическую жизнь, ибо что-либо похожее на подлинно справедливое общество было бы огромным несчастьем. С другой стороны, мы очень хотим, чтобы люди относились к христианству как к средству, в первую очередь, конечно, как к средству собственного успеха, но если это не удастся, то как к средству для чего угодно, даже для социальной справедливости. Сначала заставим человека ценить социальную справедливость, поскольку ее любит Враг, а затем доведем его до состояния, когда

он ценит христианство за то, что с его помощью можно достичь социальной справедливости. Враг не хочет, чтобы Его употребляли для извлечения пользы. Люди и народы, которые думают, что верой нужно добиться улучшений в обществе, могут с таким же успехом пользоваться услугами Сил Небесных, чтобы регулировать уличное движение. Однако, к счастью, очень легко уговорить их обойти эту маленькую трудность. Как раз сегодня мне попалось несколько страниц одного верующего писателя, где он рекомендует свою версию христианства на том основании, что «такая вера переживет гибель старых культур и рождение новых цивилизаций». Понимаешь, в чем тут пружина? «Верь не потому, что это истина, а в силу таких-то причин». В этом-то вся и штука.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Я написал Лестегубке, которая следит за дамой твоего пациента, и теперь разглядел маленькую трещину в ее броне. Это небольшой порок, который есть почти у всех женщин, выросших в интеллектуальном окружении, объединенном ярко выраженной верой. Женщинам этим кажется, что все посторонние лица, не разделяющие их веру, просто глупы и странны. Мужчины, которые встречаются с этими посторонними, относятся к ним иначе. Их убеждения, если они есть, — другого рода. Ее же убеждения, которые она считает следствием своей веры, сильно обусловлены представлениями, почерпнутыми от друзей: они не очень отличаются от того, что она ощущала лет в десять, когда думала, что рыбные ножи у них дома «правильные», «нормальные» и «настоящие», а в соседних семьях — «неправильные». Однако неведения и наивности тут так много, а духовной гордыни так мало, что у нас почти нет надежды на эту девушку. Но подумал ли ты о том, как можно воспользоваться этим, чтобы повлиять на твоего подопечного?

Новичок всегда преувеличивает. Человек, поднявшийся до вершин, — прост и свободен, молодой же ученик — весьма педантичен. В этом новом кругу твой подопечный кажется новичком. Здесь он ежедневно встречает христианскую жизнь, обладающую качествами, о которых раньше он не имел никакого представления. Он ревностно жаждет (фактически, Враг велит ему) подражать этим качествам. Заставь его подражать и этой ошибке и еще преувеличить ее, чтобы простительное чувство стало в нем самым сильным и прекрасным из грехов

— духовной гордыней. Кажется, условия сейчас идеальные. Тем новым кругом, в котором он находится, можно гордиться не только потому, что они христиане. Это общество образованней, умней, приятней, чем все те люди, с которыми он раньше сталкивался. Кроме того, он не совсем верно представляет себе и свое положение в нем. Под влиянием любви он все еще считает себя недостойным девицы, но он быстро сочтет себя вполне достойным в других отношениях. Ему не видно, как часто они его прощают из доброжелательности и как много они толкуют в лучшем смысле, потому что теперь он вхож в эту семью. Ему и не снилось, что в его высказываниях они узнают эхо собственных своих взглядов. Еще меньше он догадывается, в какой степени восхищение, которое он к ним чувствует, зависит от того эротического очарования, которое, в его глазах, источает девица. Он думает, что ему нравятся их беседы и жизнь, потому что он соответствует их духовному уровню, тогда как в действительности они гораздо выше его, и, если бы он не был так влюблен, его бы просто озадачило и возмутило многое, что он сейчас воспринимает как естественное. Он похож на собаку, которая думает, что разбирается в оружии, лишь потому, что из охотничьего инстинкта и любви к хозяину она полюбила стрельбу.

Здесь-то ты и подключись. Пока Враг при помощи любви и некоторых людей, далеко продвинутых на Его службе, поднимает этого молодого варвара на вершины, которых он иначе никогда не достиг бы, ты заставишь его думать, что он находит свой уровень, что это люди «его круга», что у них он — дома. Когда он будет общаться с другими, он найдет их блеклыми отчасти потому, что почти каждый круг людей, с которыми он общается, и в самом деле

гораздо скучнее, но еще больше потому, что ему будет недоставать девицы. Заставь его принять контраст между ее кругом и кругом, где он скучает, за контраст между христианами и неверующими. Заставь его считать (лучше и не выражать этого в словах), «какие же все-таки иные мы, верующие!». Под «мы, верующие» он, хотя и бессознательно, должен подразумевать «свой круг», а под «своим кругом» не «людей, которые по своей доброте и смирению приняли меня в свою среду», а «людей, к которым я принадлежу по праву».

Удача зависит от того, сможешь ли ты его обмануть. Если ты заставишь его явно и открыто гордиться тем, что он христианин, ты, может быть, испортишь все дело: все же предупреждения Врага достаточно хорошо известны. Если же, с другой стороны, трюк с «мы, верующие» совсем не пройдет, а удастся только побудить его к кружковому самодовольству, ты приведешь его не к подлинной духовной гордыне, а просто к социальному чванству, что в сравнении с гордыней порок показной и ерундовый. Здесь желательно, чтобы во всех своих мыслях он тайно себя одобрял; никогда не позволяй ему задать себе вопрос: «А за что, собственно, я себя хвалю?» Для него весьма сладостно думать, что он принадлежит к какому-то кругу, посвящен в какую-то тайну. Продолжай играть на этой струне. Научи его, пользуясь слабостями девицы, находить смешным все то, что говорят люди неверующие. Здесь могут оказаться полезными некоторые из теорий, которые мы иногда встречаем в современных христианских кругах; я подразумеваю теории, возлагающие надежды общества на какой-нибудь определенный круг верующих, на неких ученых жрецов. Тебя совершенно не касается, правильны эти теории или нет, главное, чтобы христианство стало для него мистической кастой, а себя он чувствовал одним из посвященных.

Еще я тебя прошу: не заполняй свои письма всякой ерундой про войну. Ее окончательный результат, без сомнения, важен, однако это дело нашего Низшего Командования. Меня совершенно не интересует, сколько людей в Англии убито бомбами.

В каком душевном состоянии они умерли, я могу узнать из статистики нашего бюро. Что все они когда-нибудь умрут, я и так знал. Очень тебя прошу, занимайся своим делом.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Самое плохое в том круге, где вращается твой подопечный, то, что они только христиане. Разумеется, у всех у них есть и индивидуальные интересы, однако связывает их вера. Мы же, если люди становятся верующими, хотим держать их в том состоянии, которое я называю «христианство и...». Ты понимаешь? Христианство и кризис, христианство и новая психология, христианство и новое общество, христианство и исцеление верой, христианство и вегетарианство, христианство и реформа орфографии. Если уж приспичило быть христианами, пусть будут христианами с оговоркой. Пусть для них заменой самой веры будет какая-нибудь мода с христианской окраской. Тут ты должен использовать их ужас перед старым и неизменным. Ужас, перед старым и неизменным — одна из самых ценных страстей, которые нам удалось вы—растить в человеческих сердцах, неиссякаемый источник ереси в религии, безрассудства в советах, неверности в браке, непостоянства в дружбе. Люди живут во времени и переживают действительность как ряд последовательных происшествий. Поэтому, чтобы много знать о действительности, они должны обладать богатым опытом, иными словами, они должны переживать перемены.

Враг сделал перемену приятной, как сделал Он приятным употребление пищи (я тебе уже говорил, что в глубине души Он — гедонист). Но Он не хочет, чтобы перемены, как и еда, стали самоцелью, и потому он уравновесил любовь к перемене любовью к постоянству. Он умудрился удовлетворить обе потребности даже в сотворенной Им Вселенной, соединив постоянство и перемену союзом, который зовется ритмом. Он дает им времена года, каждое из которых отлично от предыдущего, однако всякий год такое же; скажем, весна всегда воспринимается как обновление и в то же время как повторение вечной темы. Он дает им и церковный год: за постом следуют праздники, и каждый праздник такой же, как и раньше. Мы

выделяем любовь к еде для возбуждения обжорства, выделим же и естественную любовь к переменам, извращая ее в постоянное требование нового. Требование это — всецело плод нашей деятельности. Если мы презрим свои обязанности, люди будут не только довольны, но и восхищены новизной и привычностью подснежников в эту весну, восхода солнца в это утро, елки в это рождество. Все дети, которым мы еще не успели привить лучших навыков, совершенно счастливы годовым кругом игр, где санки сменяют пускание корабликов так же регулярно, как осень сменяет лето. Только при помощи наших неустанных трудов удастся поддержать требование бесконечных, непрестанных перемен. Это требование ценно во многих отношениях. Во-первых, оно притупляет всякое удовольствие, увеличивая при этом жажду удовольствий вообще. Удовольствие новизны по природе своей больше, чем что-либо другое, подвержено закону «спада при повторении». А получать все новые удовольствия

— недешево, так что жажда нового приводит к жадности, краху или к тому и другому. И опять-таки, чем необузданней жажда, тем скорее она поглотит все невинные источники радости и приведет к тем, которые запрещает Враг. Вот так, развивая ужас перед старым и неизменным, мы, например, недавно сделали искусство менее опасным для нас, чем оно прежде было, — противники разума среди поэтов и художников ежедневно измышляют теперь все новые и новые оргии сладострастия, неразумия, жестокости и гордыни. И конечно, жажда нового необходима, когда нам приходится поощрять моды и поветрия.

Мода в воззрениях предназначена для того, чтобы отвлечь внимание людей от подлинных ценностей. Мы направляем ужас каждого поколения против тех пороков, от которых опасность сейчас меньше всего, одобрение же направляем на добродетель, ближайшую к тому пороку, который мы стараемся сделать свойственным времени. Игра состоит в том, чтобы они бегали с огнетушителем во время наводнения и переходили на ту сторону лодки, которая почти уже под водой. Так, мы вводим в моду недоверие к энтузиазму как раз в то время, когда у людей преобладает привязанность к благам мира. В следующем столетии, когда мы наделяем их байроническим темпераментом и опьяняем «эмоциями», мода направлена против элементарной «разумности».

Жестокие времена выставляют охрану против сентиментальности, расслабленные и праздные — против уважения к личности, распутные — против пуританства, а когда все люди готовы стать либо рабами, либо тиранами, мы делаем главным пугалом либерализм.

Но самый великий наш триумф — это инъекция ужаса перед старым и неизменным в философии. Благодаря ей интеллектуальная бессмыслица может разложить волю. Современная европейская идея эволюции и исторического развития (отчасти — наша работа) оказывается тут весьма полезной. Враг любит банальности, Он хочет, чтобы люди, планируя что-нибудь, задавали себе вопросы простые: справедливо ли это? благоразумно ли? возможно ли? Если же мы заставим людей спрашивать себя: согласуется ли это с духом времени? прогрессивно это или реакционно? по тому ли пути движется история? — они не будут обращать внимания на то, что относится к делу. На вопросы, которые они себе задают, конечно, нет ответа. Они не знают будущего, а каково оно будет, во многом зависит именно от их выбора. В результате, пока их мысли кружатся в пустоте, мы располагаем наилучшей возможностью проскользнуть и склонить их к тем действиям, которые нам желательны. Прodelана огромная работа. Когда-то они знали, что некоторые изменения — к лучшему, другие — к худшему, а третьи безразличны. Мы сильно это исказили. Описательную характеристику «без изменений» мы заменили эмоциональным словом «застой». Мы научили их думать о будущем как об обетованной земле, на которую вступят лишь привилегированные счастливицы, а не как о месте, куда каждый из них движется со скоростью шестидесяти минут в час, что бы он ни делал и где бы он ни был.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Да, время влюбленности — самое лучшее для посева тех семян, которые десять лет спустя принесут обильную жатву семейной ненависти. Очарование влюбленности приводит к

результатам, которые люди с нашей помощью могут принять за плоды милосердия. Воспользуйся двусмысленностью слова «любовь». Пусть он думает, что при помощи любви решил проблемы, которые только отсрочил или не заметил под влиянием влюбленности. Пока влюбленность продолжается, помогай проблемам созревать в тиши и делай их хроническими.

Главная проблема — самоотверженность. Обрати еще раз внимание на изумительную работу нашего филологического отдела, заменившего положительное Вражье слово «милосердие» отрицательным «самоотверженность». Благодаря этому мы приучаем человека отказываться от разных выгод не на благо и пользу кому-нибудь, а для того чтобы «отвергать себя» без всякой пользы для ближних. Другое хорошее наше подспорье в отношениях между мужчинами и женщинами — в том, что мы приучили их по-разному смотреть на самоотверженность. Женщины считают, что надо заботиться о других, мужчины — что не надо причинять другим беспокойства. Поэтому женщина на службе у Врага вредит нам много больше, чем мужчина, за исключением тех, кем отец наш уже всецело завладел. И наоборот, мужчина может жить очень долго во Вражьем стане, прежде чем он сам по себе начнет делать так много для людей, как делает каждый день обыкновенная женщина. Пока женщина думает о том, как делать доброе дело, а мужчина — о том, как никому не помешать, каждая сторона, без особых на то причин, считает другую намного эгоистичней.

К этим недоразумениям можно прибавить еще несколько. К примеру, влюбленность ведет к взаимной услужливости, в которой каждая сторона действует так, будто действительно хочет поступать по желанию другой. Они знают, что Враг требует от них милосердия, которое приводит к точно таким же результатам. Пусть они возведут в закон совместной жизни требование той самоотверженности, которая сейчас естественно проистекает из влюбленности, но на которую у них не хватит милосердия, когда влюбленность потухнет. Они не заметят ловушки, так как страдают двойной слепотой: 1) принимают влюбленность за милосердие и 2) думают, что эта влюбленность может длиться вечно.

И вот когда, наконец, официальная, легальная или мнимая самоотверженность установится как правило, а выполнить его невозможно, ибо эмоциональные ресурсы истощились, а духовные не накопились, мы получим самые прелестные результаты.

Обсуждая любое совместное дело, «А» поддержит предполагаемые интересы «Б», себе в ущерб, а «Б» поступит наоборот. Часто при этом совершенно нельзя понять, чего хочет каждая из сторон. В случае удачи они будут делать то, что никому из них не хочется, причем каждый будет ощущать приятное тепло самодовольства, ожидать наград за свою самоотверженность и испытывать тайное недовольство другим, который слишком легко принял его жертву. Позже можешь отважиться на так называемую «иллюзию конфликта великодуший». Эта игра лучше всего удается, если в ней участвуют больше двух человек, например в семье со взрослыми детьми. Допустим, захотели сделать что-нибудь совершенно обыкновенное, например попить чаю в саду. Один из членов семьи дает понять (и лучше — покороче), что ему это не нужно, но он, конечно, согласится из самоотверженности. Другие сразу берут назад свое предложение, вроде бы из самоотверженности, а в действительности потому, что не хотят быть объектом мелкого альтруизма. Но тот, первый, тоже не хочет, чтобы у него отняли упоение своей жертвой. Он уверяет, что готов делать «то, что и другие». Они уверяют, что готовы делать «то же, что и он». Страсти накаляются. Тогда кто-нибудь говорит: «Ну хорошо, тогда я вообще не хочу чаю». Начинается настоящая ссора, ведущая всех к обиде и горечи. Ясно, как это делается? Если бы каждая сторона просто следовала своим истинным желаниям, они держались бы в рамках здравого смысла и учтивости, но как раз потому, что спор вывернут наизнанку и каждая сторона борется за права другой, вся враждебность, происходящая из самодовольства, упрямства и накопившегося за последние десять лет раздражения, скрыта от них или искуплена «самоотверженностью». Конечно, каждая сторона понимает, какого низкого происхождения «самоотверженность» противника и в какое фамиллярно-фальшивое положение ее самое пытаются поставить, но себя ощущает безупречной и невинной жертвой и не видит здесь ничего бесчестного.

Один разумный человек однажды сказал: «Если бы люди знали, сколько злых чувств вызывает самоотверженность, они бы не проповедовали ее так пылко». И еще: «Она из

женщин, живущих для других. Это видно потому, как другие загнаны». Все это можно начать во время влюбленности. Крупицы настоящего эгоизма часто менее ценны, чем первые проявления этой искусственной и самовлюбленной жертвенности, которая когда-нибудь даст вышеописанные плоды. Некоторую обоюдную неискренность, некоторое удивление, что девица не всегда замечает его жертвы, уже и теперь можно подбавить.

Позаботься об этом, но главное — не давай этим молодым дуракам понять, что «любви» недостаточно, что милосердие необходимо, а они еще далеки от него и никакое внешнее правило его не заменит. И хотел бы я, чтобы Лестегубка поработала над чувством юмора у этой молодой особы.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Мне кажется, от тебя сейчас мало проку. Конечно, использовать его любовь, чтобы отвлечь его мысли от Врага, — правильная тактика, но, как видно, ты ее плохо осуществляешь, раз ты говоришь, что проблема рассеянности и духовной несобранности стала стержнем его молитвы. Это значит, что ты крупно проиграл. Когда рассеянность наполняет его мысли, побуди его сопротивляться ей простым усилием воли и продолжать обычную молитву, как ни в чем не бывало. Если же он осознает свою рассеянность как подлинную проблему, обратится с ней к Врагу и сделает ее главной темой своих молитв и борьбы, тогда ты не приобрел, а потерял. Все, даже грех, может приблизить человека к Врагу и отдалить от нас.

Но есть еще одна многообещающая возможность. Теперь, когда он влюблен, у него появилась мысль о земном счастье, и потому усилился пыл его просительных молитв о нынешней войне. Сейчас настало время создать в его душе проблемы по поводу таких молитв. Ложную духовность всегда следует поддерживать. Исходя из вполне благочестивого взгляда, что «истинная молитва — хвала и единение с Богом», людей можно довести и до прямого непослушания Врагу, ясно указавшему им (в Своем банальном и скучном стиле) молить о хлебе насущном и оставлении грехов. Ты, конечно, должен скрыть от него, что молитва о хлебе насущном, толкуемая «духовно», остается столь же прозаически просительной, как и при чисто материальном толковании всех слов.

Но поскольку твой подопечный приобрел противную привычку послушания, он, вероятно, продолжит свои «прозаические» и глупые молитвы, что бы ты ни делал. Однако ты можешь беспокоить его назойливым подозрением, что эта привычка абсолютно абсурдна и не может привести ни к какому объективному результату. И не забудь аргумента «голову вытащишь — хвост увязнет». Если то, о чем он молится, не исполняется, значит, просительные молитвы бесполезны: если же то, о чем он молится, исполняется, он, конечно, сможет найти какую-нибудь физическую причину и сказать себе: «Это и так бы случилось». Как видишь, исполнение и неисполнение просительной молитвы в равной степени хорошо доказывает, что молитвы неэффективны. Поскольку ты — дух, тебе нелегко понять, как он попадает в такие затруднения. Ты должен помнить, что для него время — безусловная реальность. Он считает, что наш Враг, как и он сам, воспринимает в настоящем одно, в прошлом помнит другое, а предвидит в будущем третье. Может быть, он и верит, что Враг вовсе не так воспринимает мир, но в глубине души он все равно этого не понимает. Если бы ты попытался объяснить ему, что сегодняшняя молитва человека — один из бесчисленных компонентов, используемых Врагом при создании завтрашнего бытия, подопечный ответил бы, что тогда Враг всегда знает, как люди будут молиться, другими словами, люди молятся не по собственной воле, а согласно предопределению. И добавил бы, что от сегодняшнего дня можно проследовать обратным ходом через всю цепочку дней до сотворения самой материи, так что все и в человеке и в природе порождено «Словом, бывшим в начале». Что ему следовало бы сказать, для нас совершенно очевидно: проблема соотношения определенного факта и определенной молитвы — лишь нынешнее проявление (в двух разных аспектах, согласно временному восприятию) общей проблемы соотношения духовного мира человека и мира материального. Творение во

всей своей целостности действует в каждой точке пространства и времени или, вернее, человеческий тип сознания воспринимает целостный характер самосогла сующего акта как ряд последовательных событий. Почему этот творческий акт оставляет место их свободной воле — проблема проблем, тайна, скрытая за всей этой Вражеской чепухой о «любви». Однако как это осуществляется, мы знаем: Враг не предвидит, как люди будут свободно содействовать будущему, а видит, как они действуют в Его безбрежном настоящем.

Казалось бы, ясно, что наблюдать за действиями человека — вовсе не то же самое, что вынуждать эти действия. Могут сказать, что некоторые писатели, сующие свой нос куда не следует, в частности Боэций, уже проболтались насчет этой тайны. Но при том интеллектуальном климате, который нам удалось создать во всей Западной Европе, это не должно тебя беспокоить. Только специалисты читают старые книги, а мы теперь так воспитали специалистов, что они меньше всех способны извлечь оттуда мудрость. Добились мы этого, привив им Историческую Точку Зрения. Историческая Точка Зрения, коротко говоря, означает следующее: когда специалист знакомится с мыслями древнего автора, он не помышляет о том, считать ли написанное истиной. Ему важно, кто повлиял на этого древнего автора, насколько его взгляды согласуются с тем, что он писал в других книгах, какая фаза в его развитии или в общей истории мысли этим иллюстрируется, как все это повлияло на более поздних писателей, как это понимали (в особенности коллеги данного специалиста), что сказали ученые в последнее десятилетие и каково «состояние вопроса в настоящее время». Видеть в авторе источник знаний, предполагать, что прочитанное изменит мысли или поведение, никто не станет, так как это «поистине наивно». Поскольку мы не можем обманывать все человечество во все иремена, очень важно отделить каждое поколение от предыдущих и последующих, ибо там, где знание приводит к свободному общению поколений, всегда есть опасность, что ошибки, характерные для данного поколения, будут исправлены истинами, характерными для другого. Но благодаря отцу нашему и Исторической Точке Зрения великие ученые сейчас так мало питаются прошлым, как и самый невежественный мастеровой, считающий, что «в старину была одна ерунда».

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Когда я просил тебя не заполнять свои письма всякой чушью о войне, я подразумевал, что не жажду получать инфантильные и глупые опусы про смерть людей и разрушение городов. Но в той степени, в которой война влияет на духовное состояние твоего пациента, я, естественно, ею интересуюсь и жду подробных донесений. В этом же отношении ты, кажется, удивительно бестолков. Так, ты с ликованием пишешь, что можно ожидать тяжелых налетов на город, где живет твой тип. Это вопиющий пример того, на что я уже раньше жаловался, — твоей способности забывать главное в минутных радостях по поводу человеческой беды. Разве тебе неизвестно, что бомбы убивают? Как же тебе непонятно, что смерть твоего подопечного в настоящее время — именно то, чего мы хотим избежать? Он освободился от светских друзей, с которыми ты пытался его свести, он влюбился в глубоко верующую девушку и стал невосприимчив к твоим нападкам па его целомудрие, да и разнообразные методы, которыми мы пытались извратить его духовную жизнь, остались пока без результата. Сейчас, когда с полной силой приближается война и мирские надежды занимают все меньше места в его сознании, озабоченн ом оборонительными работами и мыслями о девушке, он вынужден уделять Врагу больше внимания, чем раньше, и увлечен этим больше, чем ожидал, «самозабвенно», как говорят люди. Ежедневно утверждаясь в сознательной зависимости от Врага, он почти наверняка будет потерян для нас, если его убьют сегодня ночью. Это столь очевидно, что мне даже стыдно писать тебе об этом. Иногда меня охватывает беспокойство: не слишком ли мы долго держим такой молодняк, как ты, на соблазнительской работе, не рискуете ли вы заразиться настроениями и воззрениями людей, среди которых вы действуете? Они, конечно, склонны считать смерть величайшим злом, а сохранение жизни — величайшим благом. Но

этому ведь мы их научили. Будь осторожен, не попадись на удочку нашей собственной пропаганды. Я понимаю, тебе кажется странным, что твоей главной целью должно быть сейчас как раз то, о чем молятся возлюбленная и мать подопечного, — его физическая безопасность. Но это действительно так. Ты должен хранить его как зеницу ока. Если он умрет сейчас, ты его потеряешь. Если он выживет в войну, у нас всегда есть надежда. Враг защитил его от тебя во время первой большой волны искушений. Но если он останется жив, само время станет твоим союзником. Долгие, скучные, монотонные годы удач и не удач — прекрасная рабочая обстановка для тебя. Видишь ли, для этих существ трудно быть стойкими. Непрестанные провалы:

постепенный спад любви и юношеских надежд; спокойная и почти безболезненная безнадежность попыток когда-нибудь преодолеть наши искушения; однообразие, которым мы наполняем их жизнь, наконец, невысказанная обида, которой мы учим их отвечать на все это, — дают замечательную возможность. Если же, напротив, на средние годы придется пора процветания, наше положение еще сильнее. Процветание привязывает человека к миру. Он чувствует, что «нашел в нем свое место», тогда как на самом деле это мир находит свое место в нем. Улучшается репутация, расширяется круг знакомых, растет сознание собственной значительности, возрастает груз приятной и поглощающей работы, и все это создает ощущение, что он дома на земле — а именно этого мы и хотим. Ты, вероятно, заметил, что молодые люди умирают охотнее, чем люди средних лет и старые.

Дело в том, что Враг, странным образом предназначив этих животных к жизни вечной, не дает им чувствовать себя дома в каком-либо еще месте. Вот почему мы должны желать нашим подопечным долгой жизни. Семидесяти лет только-только и хватает для нашей трудной задачи — отманить их души от Небес и крепко привязать к земле. Пока они могут чувствовать, что молоды, они всегда витают в облаках. Даже если мы ухитряемся держать их в неведении о вере, бесчисленные ветры фантазии и музыки, картин и поэзии, лицо красивой девушки, пение птицы или синева неба рассеивают все, что мы пытаемся построить. Они не хотят связывать себя мирским успехом, благоразумными связями и привычкой к осторожности. Их тяга к Небесам столь сильна, что на этом этапе лучший способ привязать их к земле — убедить их в том, что землю можно когда-нибудь превратить в рай посредством политики, евгеники, науки, психологии или чего-нибудь еще.

Настоящая привязанность к миру достигается только со временем и, конечно, сопровождается гордыней, ибо мы учим их называть крадущееся приближение смерти здравым смыслом, зрелостью или опытом. Опытность, в том особом значении, которое мы учим их придавать этому слову, оказалась очень полезным понятием. Один их великий философ почти выдал наш секрет, сказав, что для человека «опытность — мать иллюзии». Но благодаря моде и, конечно, Исторической Точке Зрения нам удалось в основном обезвредить этого автора.

Сколь ценно для нас время, можно понять по тому, что Враг отпускает его нам так мало. Множество людей умирает в детстве, из выживших многие умирают в молодости. Очевидно, для Него рождение человека важно прежде всего как квалификация для смерти, а смерть важна как вход в другую жизнь. Нам остается работать с избранным меньшинством, ибо то, что люди называют «нормальной длиной жизни», — исключение. По-видимому, Он желает, чтобы некоторые (но не многие) из этих человеко-животных, которыми Он населяет небеса, обрели особенно строгий опыт сопротивления нам. Вот здесь-то мы и не должны упускать возможности. Чем короче жизнь, тем лучше мы должны ею воспользоваться. И что бы ты ни делал, храни подопечного в безопасности, как только можешь.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Теперь, когда ты знаешь наверняка, что немцы собираются бомбить город твоего пациента и обязанности погонят его в самые опасные места, мы должны обдумать твою тактику. Что нам поставить задачей: его трусость, мужество, ведущее к гордыне, или ненависть

к немцам?

Ну, я думаю, что сделать его храбрым нам не удастся. Наш отдел научных исследований пока еще не открыл ни одного способа побуждать хоть к какой-нибудь добродетели (хотя здесь мы со дня на день ожидаем успехов). Это серьезное препятствие. Для сильной и глубоко злому человеку нужна еще и добродетель. Кем бы был Аттила — без мужества или Шейлок — без аскетичности? Поскольку мы не можем привить этих качеств, остается воспользоваться теми, которые привиты Врагом, что, конечно, дает Ему точку опоры в людях, которые без Него были бы полностью нашими. Работать в таких условиях очень, трудно, но я верю, что когда-нибудь мы сможем делать это лучше.

Ненависть нам вполне по силам. Напряжение нервов у людей во время шума и усталости побуждает их к сильным эмоциям, и остается направить эту уязвимость в правильное русло. Если его разум сопротивляется, запутай его как следует. Пусть он скажет себе, что ненавидит не за себя самого, а за невинных женщин и детей и что христианская вера должна прощать своим врагам, но не врагам ближнего. Иными словами, пусть он чувствует себя достаточно солидарным с женщинами и детьми, чтобы ненавидеть от их имени, и недостаточно солидарным, чтобы считать их врагов своими и потому прощать.

Ненависть лучше всего комбинируется со страхом. Трусость — единственный из пороков, от которого нет никакой радости: ужасно ее предчувствовать, ужасно ее переживать, ужасно и вспоминать о ней. У ненависти же есть свои удовольствия. Часто она оказывается ценной компенсацией, возмещающей унижения страха. Чем сильнее страх, тем больше будет ненависти. И ненависть — прекрасный наркотик против стыда. Если ты хочешь сильно ранить его добродетель, порази сначала его мужество.

Однако сейчас это дело рискованное. Мы научили людей гордиться большинством пороков, но не трусостью. Всякий раз, когда нам это почти удавалось, Враг попускал войну, землетрясение или еще какое-нибудь бедствие, мужество сразу же делалось прекрасным и необходимым для людей и вся наша работа шла насмарку; так что все еще есть, по крайней мере, один порок, которого они стыдятся. Но, побуждая твоего пациента к трусости, ты, к сожалению, можешь вызвать в нем подлинное отвращение к самому себе с последующим раскаянием и смирением. Ведь в прошлую войну тысячи людей, обнаружив в себе трусость, впервые открыли нравственную сферу жизни. В мирное время мы можем заставить многих совершенно игнорировать вопросы добра и зла. Но во время опасностей эти вопросы встают перед ними в таком виде, что тут даже мы не сделаем их глухими. Перед нами сложная дилемма: если мы поддержим справедливость и милосердие, это будет на руку Врагу, если же не поддержим, то рано или поздно разразится война или революция (Он это попускает), и безотлагательность вопроса о трусости и мужестве пробудит тысячи людей от нравственного оцепенения.

Это, вероятно, одна из причин, побудивших Врага создать мир, чреватый опасностями, то есть мир, в котором нравственные проблемы иногда становятся главными. Кроме того, Он, как и ты, понимает, что мужество — не просто одна из добродетелей, а форма проявления любой добродетели во время испытаний, то есть в моменты высшей реальности. Целомудрие, честность и милосердие без мужества — добродетели с оговорками. Пилат был милосерден до тех пор, пока это не стало рискованным. Возможно, поэтому, что, сделав твоего подопечного трусом, мы выиграем столько же, сколько проиграем: он может узнать слишком много о себе. Есть, конечно, еще одна возможность — не заглушать в нем стыд, а углублять до отчаяния. Это было бы грандиозно! Он решил бы, что веровал и принимал прощение от Врага только потому, что сам не вполне ощущал свою греховность, а когда дело дошло до греха, который он осознал во всей его унижительность, он не мог ни искать Вражьего милосердия, ни доверять Ему. Но, боюсь, он достаточно хороший ученик в школе Врага и знает, что отчаяние — больший грех, чем все грехи, которые его породили.

Что же до самой техники искушений к трусости, тут все просто. Осторожность способствует развитию этого греха. Но осторожность, связанная с работой, быстро становится привычкой, так что здесь от нее нет прока. Вместо этого тебе надо сделать так, чтобы у него в голове мелькали смутные мысли (при твердом намерении выполнить долг), не сделать ли ему

что-нибудь, чтобы было побезопасней. Отведи его мысль от простого правила: «Я должен остаться здесь и делать то-то и то-то» и замени рядом воображаемых ситуаций (Если случится А — а я очень надеюсь, что не случится, — я смогу сделать В, — и, если уж произойдет самое худшее, я всегда смогу сделать С). Можно пробудить и суеверия, разумеется, называя их иначе. Главное, заставь его чувствовать, что у него есть что-то помимо Врага и мужества, Врагом дарованного, и что он может на это опереться. Тогда всецелая преданность долгу начинает напоминать решето, где дырочки — множество маленьких оговорок. Построив систему воображаемых уловок, призванных предотвратить «наихудшее», ты создаешь в бессознательной части его воли убеждение, что «наихудшее» случиться не должно. В момент подлинного ужаса обрушь все это на его нервы и тело. и тогда роковой момент для него наступит прежде, чем он обнаружит в нем тебя. И помни, важен только акт трусости. Страх как таковой — не грех: хотя мы тешимся им, пользы от него нет.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ТРИДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Иногда я думаю, уж не решил ли ты, что тебя послали в мир для твоего удовольствия? Я узнал, что пациент во время первого налета вел себя как нельзя хуже, но узнал я это не из твоих неудовлетворительных сообщений, а из доклада преисподней полиции. Он все время очень боялся, что окажется большим трусом, и поэтому не испытывал никакой гордыни. Он, однако, сделал все, что потребовал от него долг, а может быть, и еще больше. В твоём активе лишь вспышка раздражения против собаки, подвернувшейся ему под ноги, пара лишних сигарет и один вечер без молитвы. Что толку хныкать о трудностях? Если ты разделяешь идею Врага о «справедливости» и полагаешь, что нужно считаться с твоими возможностями и намерениями, тебя можно обвинить в ереси.

Во всяком случае, ты скоро поймешь, что преисподняя справедливость чисто реалистична и ценит только результаты. Принеси пищу или сам станешь ею.

Единственная конструктивная часть твоего письма — та, где говорится, что ты все еще ожидаешь хороших результатов от усталости подопечного. Это неплохо. Но сами они тебе в руки не свалятся. Усталость может привести к крайней кротости, спокойствию, а иногда и к видениям. Ты часто замечал, как усталые люди предавались гневу, злобе или нетерпеливости только потому, что вообще были очень энергичны. Парадокс в том и состоит, что умеренная усталость больше способствует злобе, чем полное изнеможение. Частично это обусловлено физическими причинами, частично — чем-то другим. Злятся не просто от усталости, а от неожиданных требований, предъявляемых усталому человеку. Чего бы людям ни хотелось, им всегда кажется, что у них на это есть право. А разочарование при нашей ловкости можно всегда обратить в чувство несправедливости. Риск смиренной и кроткой усталости появляется лишь тогда, когда человек сдался перед неотвратимым, потерял надежду на отдых и перестал загадывать даже на полчаса вперед. Наилучшие результаты от уста лости подопечного ты получишь, если будешь питать его фальшивыми надеждами. Вбей ему в голову, что налет не повторится, и заставляй его утешать себя мыслью о том, как он будет удобно спать следующую ночь. Преувеличь его усталость, внушая ему, что скоро все это кончится. Ведь люди обычно считают, что они не смогли бы вынести напряжение ни минуты дольше. Здесь, как и в деле трусости, главное — избежать полного отказа от своей воли. Что бы он ни говорил, нам нужно, чтобы он был полон решимости не на все, что бы ни случилось, а на все, что «в пределах его сил», и чтобы этих сил было меньше, чем, вероятно, потребуется при испытании. Ладно, пусть отбивает атаки на терпение, целомудрие и мужество. Самое интересное — победить его как раз тогда, когда (если бы они только знали!) он уже почти победил нас. Я не знаю, возможно ли, чтобы он встретил свою девицу, когда очень устанет. Если да, постарайся использовать то, что усталость склоняет женщин к разговорчивости, мужчин — к молчанию. Это может стать поводом для тайных огорчений, как бы они там Друг друга ни «любили».

Вероятно, сцены, которые он увидит, не дадут тебе материала для нападения на его разум

— твои же прежние неудачи привели к тому, что сейчас это уже не в твоей власти. Но есть способ напасть на чувства, который еще можно попробовать. Когда он впервые увидит останки того, кто раньше был человеком, заставь его почувствовать, что «вот таков мир на самом деле», а вся религиозность была одной фантазией. Ты, конечно, заметил, что мы совершенно запутали значение слов «на самом деле». В ответ на рассказ про какое-нибудь духовное переживание они говорят: «А на самом деле ты просто услышал музыку в хорошо освещенном помещении». Здесь эти слова означают только физические факты, отделенные от остальных элементов переживания. С другой стороны они могут сказать: «Тебе хорошо рассуждать о таких порывах сидя в кресле, но подожди, пока с тобой это произойдет на самом деле!» Здесь слова употребляются в противоположном смысле и означают не физические факты (которые они уже знают), а эмоциональные воздействия на человеческое сознание. Оба значения возможны, а наше дело так их спутать, чтобы слова могли употребляться то в одном смысле, то в другом, как нам выгоднее. Общее правило, которое мы уже утвердили среди них, вот какое: во всех переживаниях, делающих их счастливее или добрее, только физические факты «на самом деле», а духовные — «субъективны», во всем же, способном их огорчить или развратить, духовное — это и есть действительность, и, не обращая внимания на нее, мы от «самого дела» убегаем. Таким образом, при рождении ребенка кровь и боль «на самом деле» есть, а радость — субъективна. В смерти же именно наш ужас обнаруживает, что такое «на самом деле» смерть. Ненавистный человек «на самом деле» отвратителен — в ненависти человека видишь таким, каков он есть, в ненависти разбиты все иллюзии; обаяние же человека любимого — просто субъективная дымка, скрывающая похоть или корысть. Войны и нищета страшны, мир и радость — субъективные настроения. Эти существа всегда обвиняют друг друга в том, что хотят съесть торт так, чтобы он остался цел. Однако, благодаря нашим трудам, они платят за торт, но не могут его съесть. Если ты хорошо поведешь пациента, он скоро станет считать, что его чувства при виде человеческих внутренностей выражают «то, что на самом деле», а чувства при виде счастливых детей или хорошей погоды — просто сантименты.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Мой дорогой, мой любимый Гнусик, куколка моя, поросенок!

Как ты можешь хныкать теперь, когда все потеряно, и спрашивать: неужели мои слова о любви к тебе ничего не значили? Ну что ты! Еще как значили! Поверь, моя любовь к тебе и твоя ко мне равны как две капли воды. Я всегда жаждал тебя, так же как и ты (жалкий дурак!) жаждал меня. Разница лишь в том, что я сильнее. Полагаю, что теперь они тебя мне отдадут. А ты спрашиваешь, люблю я тебя или нет! Люблю, как и любой лакомый кусочек, от которого у меня прибавится жиру.

Ты выпустил из рук душу! Голодный вой, поднявшийся от этой потери, оглашает сейчас все Царство Шума до самого Трона.

Я просто с ума схожу, думая об этом. Да, я представляю себе, что случилось, когда они вырвали ее у тебя!.. Внезапно глаза его раскрылись, и он впервые тебя увидел, узнал, как ты на него влияешь, и понял, что теперь ему конец. Ты только представь себе, что он почувствовал (пусть это и будет началом твоей агонии). Как будто отпали струпы со старой болячки, как будто он вышел из гнусной скорлупы, как будто он раз и навсегда сбросил грязную, прилипшую одежду. И так противно видеть, как они во время земной жизни снимают грязную, неудобную одежду и плещутся в горячей воде, покрывая от удовольствия. Что же тогда сказать о последнем обнажении, об этом последнем очищении?

Чем больше думаешь, тем хуже становится. А он прошел через все так легко. Ни медленно нарастающих подозрений, ни приговоров врача, ни больниц, ни операционных столов, ни фальшивых надежд. Раз — и освободился! На какой-то миг все показалось ему нашим миром. Бомбы рвутся, дома падают, вонь, дым, ноги горят от усталости, сердце холодеет от ужаса, голова кружится... и тут же все прошло как дурной сон, который никогда не будет иметь никакого значения для него. Эх ты, обманутый дурак! Заметил ли ты, как естественно —

словно он для того и родился — этот червяк, рожденный на земле, вошел в свою новую жизнь? Как все его сомнения мигом стали для него смехотворными? Я знаю, что он говорил самому себе: «Да, конечно, так всегда и было. Все ужасы были одинаковы. Сначала становилось все хуже и хуже, меня как будто загоняли в бутылочное горлышко, и именно в тот момент, когда я думал, что это конец, — ужасы кончались, становилось хорошо. Когда рвали зуб, боль нарастала, — а потом вдруг зуба нет. Дурной сон переходил в кошмар — и я просыпался. Человек все умирает и умирает, и вот — он уже вне смерти. Как я мог сомневаться в этом?»

И когда он увидел тебя, он увидел и Их. Я знаю, как все было. Ты отпрянул ослепленный, ибо тебя они поразили сильнее, чем его поразили бомбы. Какое унижение, что эта тварь из праха и грязи могла стоять, беседуя с духами, перед которыми ты, дух, мог только ползать! Вероятно, ты надеялся, что ужас и вид иного, чужого мира разрушит его радость. Но в том-то все и горе, что Они и чужды глазам смертных, и не чужды. Вплоть до этого мира он не имел ни малейшего представления о том, как Они выглядят, и даже сомневался в Их существовании. Но когда он увидел Их, он понял, что он Их всегда знал. Он понял, какую роль каждый из Них играл в его жизни, когда он думал, что с ним нет никого. И вот он мог сказать Им, одному за другим, не «Кто ты?», а «Значит, это все время был ты!». Все, что он увидел и услышал при встрече, пробудило в нем воспоминания. Он смутно ощущал, что всегда был окружен друзьями, с самого детства посещавшими его в часы одиночества, и теперь наконец это объяснилось. Он обрел музыку, которая таилась в глубине каждого чистого и светлого чувства, но все время ускользала от сознания. И, узнавая Их, он стал Им родным прежде, чем тело его успело охладеть. Только ты остался ни при чем по своей глупости.

Он увидел не только Их. Он увидел и Его. Эта низкая тварь, зачатая в постели, увидела Его. То, что для тебя огонь, ослепляющий и удушающий, для него теперь свет прохладный, сама ясность и носит облик Человека. Тебе хотелось бы отождествить его преклонение перед Врагом, его отвращение к себе и глубочайшее сознание своих грехов (да, Гнусик, теперь он видит их яснее, чем ты) с твоим шоком и параличом, когда ты угодил в смертоносную атмосферу Сердца Небес. Но это ерунда. Страдать ему еще придется, однако они радуются этим страданиям. Они не променяли бы их ни на какие земные удовольствия. Все те прелести чувства, сердца или разума, которыми ты мог бы искушать его, даже радость добродетели, теперь, при сравнении, для него, как побрякушки размалеванной бабы для мужчины, узнавшего, что та, кого он любил всю жизнь и считал умершей, жива и стоит у дверей. Он поднят в мир, где страдания и радость — безусловные ценности, и вся наша арифметика теряет свой смысл. И вот снова мы сталкиваемся с необъяснимым. Наша главная беда (помимо никчемных искусителей, вроде тебя) — промахи нашего исследовательского отдела. Если бы мы только могли разнюхать, чего Он в действительности хочет! Увы, это знание, само по себе столь ненавистное и неприятное, необходимо для нашей власти. Иногда я просто прихожу в отчаяние. Меня поддерживает лишь убеждение, что наш реализм, наш отказ от всякой ерунды и трескучих фраз должен победить. А пока я займусь тобой...

В высшей степени искренне и все сильнее тебя любящий дядя Баламут.